

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Тихоокеанский государственный университет»

Социально-гуманитарный факультет
Кафедра русской филологии

Направление 031100. 68 – Лингвистика (магистратура)

Учебно-методические материалы
по дисциплине

Основы теории межкультурной коммуникации

Автор-разработчик:
к. филол.н., доц. Сабурова Н.А.

Хабаровск

Тексты лекций

Лекция 1

СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

План

1. Общение как одна из главных потребностей человека.
2. Язык и речь.
3. Модель общения. Структура коммуникативного акта.
4. Типы коммуникации.
5. Разновидности общения.
6. Межкультурная коммуникация и принцип толерантности.

Вся жизнь человека проходит в общении. Случайная или намеренная изоляция – тяжелейшее испытание для людей, по какой-то причине лишенных возможности общаться. Роль общения в нашей жизни чрезвычайно велика. Общение пронизывает всю нашу материальную и духовную деятельность (ежедневно общаются между собой члены семьи, производственная деятельность включает в себя общение).

В качестве синонима термину **общение** в науке используют термин **коммуникация** (от фр. *communication*, которое восходит к лат. *communicatio* – 'сообщение, передача').

Таким образом, **язык** – это находящаяся в распоряжении коллектива

а) система элементов – единиц разных ярусов (фонем, морфем, лексических единиц, предложений);

б) система правил их функционирования.

Язык – система категорий, извлекаемых из речи, организующих речь, но недоступных восприятию чувствами – зрением, слухом.

Речь можно определить как использование языка в коммуникативных целях. В чём же заключаются закономерности построения речи? Минимальной речевой единицей, данной лингвисту в непосредственном наблюдении, является речевой (или коммуникативный) акт.

Речевой акт – это двусторонний процесс, охватывающий говорение (писание), слуховое (или зрительное) восприятие и понимание.

Модель речевого акта:

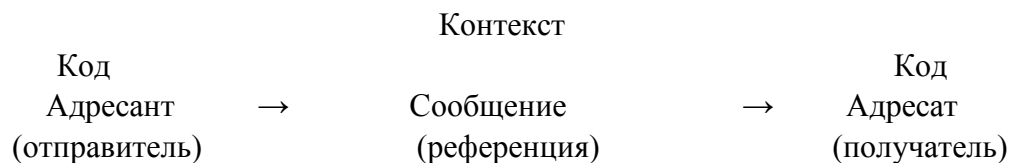

Рис. 1

Основными элементами речевого акта являются: отправитель сообщения (адресант) – говорящий (или пишущий), получатель сообщения (адресат) – слушающий (или читающий), канал связи, сообщение, код, контекст (ситуация). Сообщение может пониматься как процесс порождения речи, так и ее результат, т. е. текст (звучащий или зафиксированный на бумаге, электронном носителе). Референция – это содержание

сообщения. Код в речевой коммуникации – это тот язык (или разновидность языка: диалект, жаргон), который используют участники речевого акта для того, чтобы понять друг друга. Контекст (или ситуация) – это обстоятельства, в которых происходит речевое взаимодействие общающихся.

Искажение информации может быть следствием:

- а) неверного использования кода;
- б) неполного совпадения кодов передающей и принимающей сторон;
- в) использования разных языков;
- г) использования одного и того же языка представителями разных культур;
- д) нарушений в канале связи.

В функциональном расслоении РЛЯ на первый план выдвинуты основные функционально-стилевые сферы: **книжная и разговорная речь**.

Книжная речь и разговорная речь разграничиваются в зависимости от их основного функционального назначения: речь с установкой на официальность общения – книжная, а на неофициальность общения – разговорная.

Речь книжная и речь разговорная могут быть представлены либо в **письменном** виде (письменные тексты книжной речи – научные статьи и монографии, тексты художественных произведений, тексты законов, газет и журналов; письменные тексты разговорной речи – дружеские письма, записки) либо в **устном** (лекции, выступления на митинге, телепередачи – это устные тексты книжной речи; бытовой диалог – это устный текст разговорной речи).

Важным основанием для выделения типов общения является характер употребляемых средств коммуникации.

С одной стороны, общение опирается на **а) естественные** средства, т. е. использует тело человека, его органы – губы, зубы, нёбо, язык, гортань. С другой стороны, к этим средствам давно добавились **б) искусственные**: специальные материалы и приспособления для письма, разнообразная множительная техника, телеграф, телефон, радио, телевидение, компьютерные средства общения и т. д. Современное общество во многом обязано своим уровнем развития печатным и электронным средствам общения.

Общение может быть **непосредственным и опосредованным**.

Непосредственным, или прямым, является такое общение, при котором коммуникативные действия человека и их восприятие адресатом совершаются одновременно, в одной коммуникативной ситуации и без применения искусственных средств общения. В непосредственном общении весьма значимы **несловесные средства коммуникации**.

Опосредованное общение протекает как в монологических, так и в диалогических формах. Оно производно от непосредственного, надстраивается над ним, но постепенно становится главным или даже единственным в некоторых сферах коммуникации, например, в сфере художественного словесного искусства, в Интернет-общении. Речевое взаимодействие создателя литературного произведения с читателями опосредовано фиксированным текстом этого произведения.

Выделяются четыре основные разновидности общения:

- 1) общение с реальным партнером,
- 2) общение с иллюзорным партнером,
- 3) общение с воображаемым партнером,
- 4) общение воображаемых партнеров.

Межкультурная коммуникация (МКК) – это «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам

Лекция 2

Язык и культура. Проблемы взаимодействия. Языковая картина мира.

План

1. Язык и культура. К определению терминов.
2. Культурное ядро и культурное расширение.
3. Трансляция и трансмутация – основные способы передачи культурного знания.
4. Соотношение языка и культуры.
5. Картина мира.
6. Языковая избыточность и языковая недостаточность

В «Словаре лингвистических терминов»

О. С. Ахмановой дается такое определение языка: «Язык одна из самобытных семиологических систем, являющаяся основным и важнейшим средством общения членов данного человеческого коллектива, для которых эта система оказывается также средством развития мышления, передачи от поколения к поколению культурно-исторических традиций и т. п.».

Количество определений термина **культура** (лат. *cultura* «возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание») огромно. Понятие это первоначально подразумевало целенаправленное воздействие человека на природу (например, обработку земли: ср. сельскохозяйственная культура), позднее – воспитание и обучение человека. В науке об обществе культура всегда рассматривается не глобально, а расчленение, в ее материальных и духовных аспектах.

Материальной культурой называется совокупность вещественных, зримых, наблюдаемых произведений труда человека, как созданных предшествующими поколениями, так и создаваемых в настоящее время (орудия труда, жилища, предметы обихода, одежда, средства транспорта и т.п.).

Духовная культура есть производство, распределение и потребление духовных ценностей, она является единым процессом созидания и освоения всего духовного богатства общества. К духовной культуре относятся познание, нравственность, воспитание и просвещение: право, философия, этика, наука, искусство, литература, язык, мифология, религия.

При изучении межкультурных контактов разграничивают два типа знаний людей, объединенных в один этнос: культурный минимум и культурное расширение. Культурный минимум индивида (или «культурное ядро») — это элементы культуры, посредством которых человек определяется как представитель социума.

Культурное ядро определяет структуру и качество «культурного расширения», которое представляет собой дополнительные элементы для культурной идентификации.

В культурологии выделяют два основных способа общения с целью передачи культурного наследия: 1) трансляцию и 2) трансмутацию.

Трансляция – это «общение, направленное на социализацию входящих в жизнь поколений, на их уподобление старшим средствами соответствующих инструментов и механизмов» [Петров, 1991, с. 41–42]. Трансмутация – разновидность

общения, в результате которого в социокоде коммуникантов, появляются новые элементы знания, или модифицируются наличные, или одновременно происходит и то, и другое. Трансмутация, которая ведёт к изменению знания, такого привычного и «родного», может происходить иногда болезненно. Культурный барьер опаснее и неприятнее языкового. В крайних случаях такой барьер может привести к культурному конфликту. Неприятен он еще и тем, что культурные ошибки воспринимаются намного чувствительнее, чем ошибки языковые.

Язык – передатчик, носитель культуры, он передаёт из поколения в поколение сокровища национальной культуры, хранящейся в нем. Овладевая родным языком, дети усваивают вместе с ним и обобщенный культурный опыт предшествующих поколений. Язык – орудие, инструмент культуры. Он формирует личность человека, носителя языка, через навязанные ему языком и заложенные в языке видение мира, менталитет, отношение к людям и др., т. е. через культуру народа, пользующегося данным языком как средством общения.

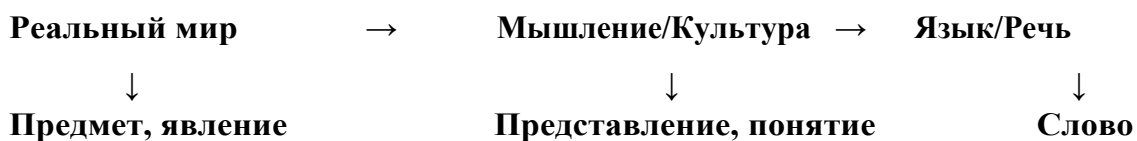
Методологической основой рассмотрения взаимодействия языка и культуры является **изоморфизм** (наличие общих или соотносительных свойств) признаков или функций, которые обнаруживают себя и в культуре, и в языке. Так, например, выделяются следующие функции культуры, которые характеризуют и язык:

- 1) информативная (или кумулятивная);
- 2) семиотическая (знаковая): любой продукт культуры является одновременно и показателем ее уровня, качества, национальной и социальной принадлежности;
- 3) гносеологическая (познавательная) функция культуры проявляется в науке, научно-техническом прогрессе. В продуктах культуры человек познает мир и самого себя;

коммуникативная: культура реализует обмен достижениями различных видов деятельности между членами человеческого общества.

Корни проблемы взаимодействия языка и культуры лежат в глубокой древности. В наиболее явном виде связь языка и культуры обнаруживается в высказываниях Вильгельма фон Гумбольдта о том, что язык связан с формированием духовной силы нации (см. также теории Ф. Боаса, Э. Сепира, Б.Ли Уорфа, Л. Вейсбергера).

Язык, мышление и культура оказываются тесно взаимосвязанными:

окружающий человека мир представлен в трех формах:

- реальной картине мира,
- культурной (или понятийной) картине мира,
- языковой картине мира.

Реальная картина мира – это объективная внечеловеческая данность, это мир, окружающий человека.

Культурная (понятийная) картина мира – это отражение реальной картины мира через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное.

Языковая картина мира мир в зеркале языка: вторичным, идеальный мир в языковом воплощении; совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике.

Разумеется, национальная культурная картина мира первична по отношению к языковой. Она полнее, богаче и глубже, чем соответствующая языковая. Однако, именно язык реализует, вербализует национальную культурную картину мира, хранит ее и передает из поколения в поколение. Язык фиксирует далеко не все, что есть в национальном видении мира, но способен описать все.

Наиболее наглядной иллюстрацией может служить слово – основная единица языка и важнейшая единица обучения языку.

Расхождения в языковом мышлении проявляются в ощущении избыточности или недостаточности форм выражения одного и того же понятия по сравнению с родным языком изучающего иностранный язык.

Крайним случаем языковой недостаточности будет, по-видимому, вообще отсутствие эквивалента для выражения того или иного понятия, часто вызванного отсутствием и самого понятия. Сюда относится так называемая **безэквивалентная лексика**.

Лекция 2

Язык и культура. Проблемы взаимодействия. Языковая картина мира.

План

6. Язык и культура. К определению терминов.
7. Культурное ядро и культурное расширение.
8. Трансляция и трансмутация – основные способы передачи культурного знания.
9. Соотношение языка и культуры.
10. Картина мира.

6. Языковая избыточность и языковая недостаточность

В «Словаре лингвистических терминов»

О. С. Ахмановой дается такое определение языка: «Язык одна из самобытных семиологических систем, являющаяся основным и важнейшим средством общения членов данного человеческого коллектива, для которых эта система оказывается также средством развития мышления, передачи от поколения к поколению культурно-исторических традиций и т. п.».

Количество определений термина **культура** (лат. *cultura* «возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание») огромно. Понятие это первоначально подразумевало целенаправленное воздействие человека на природу (например, обработку земли: ср. сельскохозяйственная культура), позднее – воспитание и обучение человека. В науке об обществе культура всегда рассматривается не глобально, а расчленение, в ее материальных и духовных аспектах.

Материальной культурой называется совокупность вещественных, зримых, наблюдаемых произведений труда человека, как созданных предшествующими поколениями, так и создаваемых в настоящее время (орудия труда, жилища, предметы обихода, одежда, средства транспорта и т.п.).

Духовная культура есть производство, распределение и потребление духовных ценностей, она является единым процессом созидания и освоения всего духовного богатства общества. К духовной культуре относятся познание, нравственность,

воспитание и просвещение: право, философия, этика, наука, искусство, литература, язык, мифология, религия.

При изучении межкультурных контактов разграничивают два типа знаний людей, объединенных в один этнос: культурный минимум и культурное расширение. Культурный минимум индивида (или «культурное ядро») — это элементы культуры, посредством которых человек определяется как представитель социума.

Культурное ядро определяет структуру и качество «культурного расширения», которое представляет собой дополнительные элементы для культурной идентификации.

В культурологии выделяют два основных способа общения с целью передачи культурного наследия: 1) трансляцию и 2) трансмутацию.

Трансляция – это «общение, направленное на социализацию входящих в жизнь поколений, на их уподобление старшим средствами соответствующих инструментов и механизмов» [Петров, 1991, с. 41–42]. Трансмутация – разновидность общения, в результате которого в социокоде коммуникантов, появляются новые элементы знания, или модифицируются наличные, или одновременно происходит и то, и другое. Трансмутация, которая ведёт к изменению знания, такого привычного и «родного», может происходить иногда болезненно. Культурный барьер опаснее и неприятнее языкового. В крайних случаях такой барьер может привести к культурному конфликту. Неприятен он еще и тем, что культурные ошибки воспринимаются намного чувствительнее, чем языковые.

Язык – передатчик, носитель культуры, он передаёт из поколения в поколение сокровища национальной культуры, хранящейся в нем. Овладевая родным языком, дети усваивают вместе с ним и обобщенный культурный опыт предшествующих поколений. Язык – орудие, инструмент культуры. Он формирует личность человека, носителя языка, через навязанные ему языком и заложенные в языке видение мира, менталитет, отношение к людям и др., т. е. через культуру народа, пользующегося данным языком как средством общения.

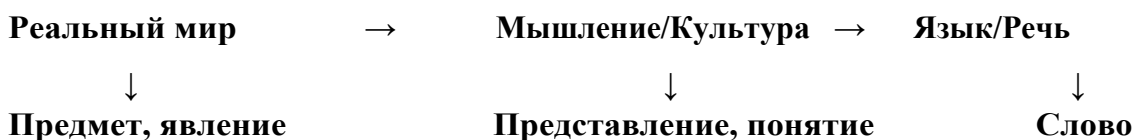
Методологической основой рассмотрения взаимодействия языка и культуры является **изоморфизм** (наличие общих или соотносительных свойств) признаков или функций, которые обнаруживают себя и в культуре, и в языке. Так, например, выделяются следующие функции культуры, которые характеризуют и язык:

- 4) информативная (или кумулятивная);
- 5) Семиотическая (знаковая): любой продукт культуры является одновременно и показателем ее уровня, качества, национальной и социальной принадлежности;
- 6) гносеологическая (познавательная) функция культуры проявляется в науке, научно-техническом прогрессе. В продуктах культуры человек познает мир и самого себя;

коммуникативная: культура реализует обмен достижениями различных видов деятельности между членами человеческого общества.

Корни проблемы взаимодействия языка и культуры лежат в глубокой древности. В наиболее явном виде связь языка и культуры обнаруживается в высказываниях Вильгельма фон Гумбольдта о том, что язык связан с формированием духовной силы нации (см. также теории Ф. Боаса, Э. Сепира, Б.Ли Уорфа, Л. Вейсбергера).

Язык, мышление и культура оказываются тесно взаимосвязанными:

окружающий человека мир представлен в трех формах:

- реальной картине мира,
- культурной (или понятийной) картине мира,
- языковой картине мира.

Реальная картина мира – это объективная внечеловеческая данность, это мир, окружающий человека.

Культурная (понятийная) картина мира – это отражение реальной картины мира через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное.

Языковая картина мира мир в зеркале языка: вторичным, идеальный мир в языковом воплощении; совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике.

Разумеется, национальная культурная картина мира первична по отношению к языковой. Она полнее, богаче и глубже, чем соответствующая языковая. Однако, именно язык реализует, вербализует национальную культурную картину мира, хранит ее и передает из поколения в поколение. Язык фиксирует далеко не все, что есть в национальном видении мира, но способен описать все.

Наиболее наглядной иллюстрацией может служить слово – основная единица языка и важнейшая единица обучения языку.

Расхождения в языковом мышлении проявляются в ощущении избыточности или недостаточности форм выражения одного и того же понятия по сравнению с родным языком изучающего иностранный язык.

Крайним случаем языковой недостаточности будет, по-видимому, вообще отсутствие эквивалента для выражения того или иного понятия, часто вызванного отсутствием и самого понятия. Сюда относится так называемая **безэквивалентная лексика**.

Лекция 3

ОБЗОР СУЩЕСТВУЮЩИХ ПОДХОДОВ К ОБУЧЕНИЮ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

План

1. Лингвострановедение. Основные положения лингвострановедческой теории слова. Эквивалентные и безэквивалентные слова. Лексический фон. Фоновые знания.
2. Лингвокультурология. Сквозные культурологические темы. Лингвокультурема.
3. Теория логоэпистем.
4. Культурная антропология.
5. Этнопсихолингвистика. Теория лакун. Способы элиминирования лакун.
6. Теория культурной грамотности.

Основные положения ЛС изложены в работах Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова: «Язык и Культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного» [1990] и «Лингвострановедческая теория слова». Лингвострановедением

они называют «аспект преподавания русского языка как иностранного (РКИ), в котором с целью обеспечения коммуникативности обучения и для решения общеобразовательных и гуманистических задач лингводидактически реализуется кумулятивная функция языка и проводится аккультурация адресата, причем методика преподавания имеет филологическую природу ознакомление проводится через посредство русского языка и в процессе его изучения»

Все языковые единицы обладают двумя планами – формой и содержанием. План выражения слова – это его звуковая (или графическая) оболочка. План содержания слова – это не предмет или явление, как можно было бы подумать, а лексическое понятие, т. е. набор признаков, с помощью которых люди определяют, можно ли назвать предмет данным словом. Например, *стол* ‘предмет мебели с горизонтальной поверхностью на трех или четырех ножках’; *конфета* ‘сладкое кондитерское изделие в виде небольшого кусочка, плитки’. Эти признаки называются **семантическими долями** (СД). Так, например, СД понятия «книга» являются: (1) *произведение (следовательно, продукт, человеческой деятельности, а не природное явление)* (2) *печати в виде* (3) *бумажных листов* (4) *с печатным текстом (иначе получился бы альбом для рисования)* (5) *в переплете*. Семантические доли, обеспечивающие правильное название предмета или явления, в совокупности и образуют лексическое понятие. Слова, лексические понятия которых являются межъязыковыми, называются **эквивалентными**: они легко переводятся (*лес, поле, ложка*). Напротив, слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями, называются **безэквивалентными**.

Вокруг слова, особенно центрального, ключевого, складывается целый ореол всевозможных сведений.

Безусловно, непонятнейшие семантические доли многих эквивалентных слов в разных языках могут не совпадать. Всю «совокупность непонятнейших СД, относящихся к слову», Верещагин и Костомаров называют его **лексическим фоном**. Термин является производным от термина «**фоновые знания**» (т.е. знания, потенциально присутствующие в сознании человека и той общности людей, к которой данный индивид принадлежит). Лексический фон это принадлежность языка (а не индивидуального сознания), явление массового, общественного, т. е. языкового сознания. Слово рассматривается, следовательно, как вместилище знаний.

Понятие лингвокультурологии (ЛК) ввел в науку В. В. Воробьев. Лингвокультурологию он обозначает как аспект лингводидактики, рассматривающий проблемы взаимодействия культуры. Во главу угла ставится именно культура, а не язык. Предмет ЛК – материальная и духовная культура, созданная человечеством, т. е. система артефактов, находящая выражение в языке.

Исследование национального типа личности, изучение «загадки» России – одна из задач ЛК. Метод – поле – реализуется через рассмотрение **сквозных культурологических тем**. В монографии В. В. Воробьева «Лингвокультурология. Теория и методы» [1997] нашли отражение результаты изучения поля «русская национальная личность». В качестве единицы описания В. В. Воробьев использует **лингвокультурему** – «диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания [Воробьев, 1997, с. 45]. Эта единица более «глубокая» по своей сути, чем слово. «Лингвокультурема раскрывает его содержание как понятия (класса предметов)», – подчеркивает исследователь [Там же, с. 45].

Структурные типы лингвокультурем разнообразны – от единичного слова (лексемы) до целого текста.

Источниками лингвокультуры могут быть:

- 1) народное поэтическое творчество;
- 2) памятники истории и общественной мысли, а также специальные исторические, философские, социологические, литературоведческие, лингвистические, эстетические и другие исследования;
- 3) высказывания выдающихся деятелей науки, искусства и литературы, в которых запечатлены важнейшие оценки русской нации и национальной личности;
- 4) литературные произведения, в которых нашла отражение русская национальная личность (типы и образы) и публицистика;
- 5) выдающиеся личности как модель русской национальной личности (А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, Степан Разин, Петр Первый и др.); мысли и суждения иностранцев о русской нации и культуре как сопоставительный фон, оттеняющий специфику всего русского.

Логоэпистемы, которые, по словам В.Г. Костомарова и Н. Д. Бурвиковой, представляют собой «след языка в культуре или культуры в языке».

Логоэпистемы являются реализацией языковой игры, искаженного цитирования, которые часто встречаются на страницах современных газет (к примеру, в заголовках: *Ночь. Улица. Аптека. И всем до фонаря*) (заголовок статьи о круглосуточной аптеке на темной улице), *Избит гитарой желтой* (статья о том, чем закончился концерт авторской песни).

Ядро логоэпистем составляют прецедентные тексты. Это такие тексты, которые служат основой обучения в школе, аккультурации ребенка, при помощи которых он обучается родному языку. К логоэпистемам относятся разноуровневые лингвострановедчески ценные языковые единицы: слова-понятия, крылатые фразы, фразеологизмы, прецедентные тексты, «говорящие» имена и названия), являющиеся стандартным типом языковой реакции носителя языка на внешние стимулы».

Логоэпистема – знак, который требует осмысления на двух уровнях: на уровне языка и на уровне культуры. Сточки зрения лингвистики логоэпистема:

- имеет словесное выражение, причем может быть выраженной не только в слове, но и в словосочетании, и в предложении, и в сверхфразовом единстве;
- характеризуется отнесенностью к конкретному языку;
- является указанием на породивший ее текст или ситуацию;
- в процессе коммуникации не создается заново, но возобновляется;
- в процессе коммуникации может видоизменяться в пределах сохранения опознаваемости;

С точки зрения культурологии логоэпистема:

- характеризуется наполненностью некоторым знанием культурного характера;
- семиотична и символична, поскольку является элементом системы знаков и символов, используемых обществом;
- герменевтична, так как для ее понимания требуется соотнесенность с иными текстами как артефактами культуры;
- дидактична, так как овладение ей возможно в процессе получения образования в смысле «вращения в культуру».

Антропология – наука о человеке.

Культурная антропология – это чрезвычайно широкая, фундаментальная наука, изучающая общие проблемы культурного развития человечества. Эта наука вбирает в себя знания всех других гуманитарных наук, изучая единый процесс культурного становления

человека, т. е. того уникального и существеннейшего аспекта, который делает человека Человеком.

Основные задачи курса культурной антропологии:

- 1) разъяснить ту огромную роль, которую культура играет в жизни человека, в его поведении и общении с другими людьми и другими культурами;
- 2) ознакомить с идеями и методами этой науки;
- 3) определить путь, по которому идет развитие культур, их изменение, столкновение и взаимодействие;
- 4) раскрыть взаимосвязь, взаимовлияние и взаимодействие языка и культуры;
- 5) показать, как культура воздействует на поведение человека, его мировосприятие, мировую систему, личную жизнь; формирование личности и т. п.

Н. В. Уфимцева и Ю. Л. Сорокин лакуну следующим образом: «Различия «на любом уровне» между лингвокультурными особенностями, по-видимому, можно рассматривать как лакуны <...>, свидетельствующие об избыточности или недостаточности опыта одной лингвокультурной общности относительно другой».

Различаются абсолютные и относительные лакуны. Абсолютные лакуны имеют место в том случае, если в языке нет какого-либо понятия и слова, обозначающего это понятие (например, слово *квас* в китайском и корейском языке – абсолютные лакуны). Если слово или словоформа, существующие в национальном языке, употребляются очень редко по сравнению с другим языком, лакуну следует считать относительной.

Процесс установки понимания представителей равных лингвокультурных общностей по существу сводится к процессу устранения или, в научной терминологии, **элиминирования** лакун различных типов. Элиминирование лакун в тексте, адресованном инокультурному реципиенту, осуществляется двумя основными способами: заполнением и компенсацией. Заполнение лакун представляет собой процесс раскрытия смысла некоторого понятия (слова, принадлежащего незнакомой реципиенту культуре).

Суть компенсации состоит в следующем: для снятия национально-специфических барьеров в ситуации контакта двух культур, т. е. для облегчения понимания того или иного фрагмента чужой культуры в текст в той или иной форме вводится специфический элемент культуры реципиента» [Этнопсихоллингвистика, 1988].

В теоретических работах Е. Д. Хирша теория культурной грамотности не обращается непосредственно к инофонам и лишь косвенно связана с преподаванием иностранных языков. Её создатель утверждает, что для успешного владения языком (речь идет о родном языке), необходимо знакомство с определенными ментально-культурными схемами и знание их символов, ярлыков (цитат, имён, дат, жестов, сокращений и т. п.) Этот набор, собственный у каждой национальной культуры, детерминирует (определяет) языковые значения, особенности общения, смысл текстов и специфику их построения у членов определенного лингвокультурного сообщества. В «Словаре культурной грамотности» автор попытался представить набор тех сведений (из самых разных областей знаний), которыми должен владеть каждый американец. Иными словами, речь идет о попытке создания определенного культурного минимума для членов конкретного лингвокультурного сообщества.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЕЕ СТРУКТУРА. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

План

1. Языковая личность. Определение понятия.
2. Языковая личность и общерусский языковой тип.
3. Национальный компонент в структуре языковой личности.
4. О лингвокультурологической компетенции.
5. Концепция вторичной национальной личности.
6. Национальный характер.

Термин «языковая личность» ввел в обиход лингвистики Ю. Н. Караулов. По словам исследователя, языковая личность предстает как «многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовности к осуществлению речевых поступков разной степени сложности, поступков, которые классифицируются, с одной стороны, по видам речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо), а с другой – по уровням языка [1987]. Ю. Н. Караулов предложил структуру языковой личности, состоящую из трех уровней:

1) **вербально-семантического**, предполагающего для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя традиционное описание формальных средств выражения определенных значений;

2) **когнитивного**, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную «картину мира», отражающую его иерархию ценностей. Когнитивный уровень устройства ЯЛ и ее анализа предполагает расширение значения и переход к знаниям, а значит, охватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания к знанию, сознанию, процессам познания человека;

3) **прагматического**, включающего цели, мотивы, интересы, установки; этот уровень обеспечивает в анализе ЯЛ закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной действительности.

Мы все очень разные. Каждый из нас по-своему «знает» язык, по-своему использует его. Для каждого из нас то или иное слово, фразеологическая единица, «коммуникативный фрагмент» включены в особую парадигму ассоциаций, образов, хранимых памятью текстов и ситуаций употребления. Но есть общие черты, которые объединяют всех тех, для кого русский язык является родным. Эти черты позволяют носителю языка оценивать то или иное речевое произведение как «русское/не русское».

Для того чтобы иностранец мог полноценно общаться с представителем чужой для него культуры, нужно постоянно обращаться к особенностям этого типа, знакомить с ним, акцептировать внимание не просто на отдельных формах и категориях, но видеть в них проявления языкового типа.

В связи с термином «языковая личность» существует совокупность проблем, связанных с национальной составляющей в структуре ЯЛ. По мнению Ю.Н. Караулова, существует некоторая доминанта, которая определяется национально-культурными традициями и господствующей в обществе идеологией. Эта доминанта позволяет выделить в

общеязыковой картине мира её ядерную, общезначимую, инвариантную часть. «Последняя, вероятно, может расцениваться как аналог или коррелят существующего в социальной психологии <..> понятия **базовой личности**», – считает Ю.Н. Караулов. Черты базовой личности, выделенные Ю. Н. Карауловым, пересекаются с характеристиками другого понятия – «национальный характер».

Возможность общения складывается из знания языка как системы и знания способов, норм употребления языковых единиц. В связи с этим в лингвистических и методических исследованиях проводится разграничение между компетенцией (*competence*), то есть знанием системы, и употреблением (*performance*), т. е. использованием единиц этой системы в деятельности.

Компетенцию он понимает как знание своего языка говорящим-слушающим, а употребление – как реальное использование языка в конкретных ситуациях. Знание идеальным говорящим-слушающим всей системы культурных ценностей, выраженных в языке В. В. Воробьев называет лингвокультурологической компетенцией. Концепция вторичной национальной личности ярко представлена в работах И. И. Халеевой. Она заключается в следующем. Инофон, получая информацию на иностранном языке, не может до конца понять и адекватно переработать содержимое воспринятого текста. Это связано с тем, что помимо непосредственного восприятия текста, так сказать его внешней, поверхностной стороны, перед адресатом стоит задача проникнуть вглубь содержания текста, почувствовать его «аромат»: «Проникновение в смысл услышанного текста наступит лишь в том случае, когда обучаемые (иностранному языку – Н.С.) научатся «видеть» (вернее, «слышать») ассоциативный фон, структурирующий и конституирующий высказывание».

В связи с этим И. И. Халеева в качестве рекомендации лингводидактам, разрабатывающим различные модели обучения второму языку, советует не использовать дихотомию «родной язык/неродной язык», а опираться на соотношение «язык/культура I» и «язык/культура II».

С. М. Арутюнян, признавая существование «психологического склада нации», определяет национальный характер его как «своеобразный национальный колорит чувств и эмоций, образа мыслей и действий, устойчивые и национальные черты привычек и традиций, формирующихся под влиянием условий материальной жизни, особенностей исторического развития данной нации и проявляющихся в специфике ее национальной культуры».

Национальный характер оказывается как бы ключом к объяснению жизни народа и даже его истории. Национальные характеры связаны со стереотипами. »). Стереотип в традиционном представлении – это схематический, стандартизованный образ или представление о социальном явлении или объекте. Он выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению. Такое отношение складывается под влиянием социальных условий и предшествующего опыта человека. При всем схематизме и обобщенности стереотипные представления о других народах и других культурах подготавливают к столкновению с чужой культурой, ослабляют удар, снижают культурный шок.

Что является источниками стереотипных представлений о национальных характерах? С. Г. Тер-Минасова предлагает рассматривать в качестве источников стереотипов а) международные анекдоты; б) классическую художественную литературу; в) фольклор, г) языковые особенности.

Лекция 5

СУЩНОСТЬ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.

План

1. Модель межкультурной коммуникации.
2. Знания и представления коммуникантов.
3. Культурное и когнитивное пространство, когнитивная база.
Культурное пространство.
Индивидуальное и когнитивное пространство. Когнитивная база.
4. Культурное пространство.
5. Индивидуальное и коллективное когнитивное пространство.
6. Типы пресуппозиций.

Практика общения доказывает, что даже самого совершенного знания кода оказывается недостаточно для адекватной коммуникации. Языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках.

Схему речевого взаимодействия автора текста и реципиента в условиях МКК можно изобразить схематически :

Внекодовые знания – это прежде всего компоненты культуры. К компонентам культуры, имеющим национально-специфическую окраску, С. Г. Тер-Минасова относит следующие:

а) традиции (или устойчивые элементы культуры), а также обычаи и обряды (выполняющие функцию неосознанного приобщения к господствующим в данной системе нормативным требованиям, ср., к примеру, разные традиции приема гостей в разных странах);

б) бытовую культуру, тесно связанную с традициями, вследствие чего её нередко называют традиционно-бытовой культурой;

в) повседневное поведение (привычки представителей некоторой культуры, принятые в некотором социуме нормы общения);

г) связанные с поведением мимический и пантомимический (кинестический) коды, используемые носителями некоторой лингвокультурной общности;

д) «национальные картины мира», отражающие специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления представителей той или иной культуры,

е) художественную культуру, отражающую культурные традиции того или иного этноса.

Каждый участник коммуникации, являясь языковой личностью, выступает:

1) как индивидуум, носитель только ему присущих черт, признаков, знаний и представлений;

- 2) член тех или иных социальных групп (семья, профессия, конфессия, политическая ориентация и др.);
- 3) представитель определенного национально-культурного сообщества;
- 4) представитель человечества.

Следовательно, знания и представления участника коммуникации могут быть условно разделены: а) на индивидуальные; б) социальные; в) национальные; г) универсальные.

Задача исследователя проблем МКК – изучить коллективные знания и представления, понимая под коллективом группу людей, объединенных неким общим признаком (группой признаков), осознающих свое единство и декларирующих его в той или иной форме.

Культурное пространство – форма существования культуры в человеческом сознании. Те или иные феномены культуры при восприятии их человеком отражаются в сознании последнего, где и происходит определенное структурирование отражаемого – устанавливается взаимоотношение, иерархия этих феноменов, т. е. некие системные отношения между ними.

Центр национального культурного пространства образуют феномены, являющиеся достоянием практически всех членов национально-культурного сообщества.

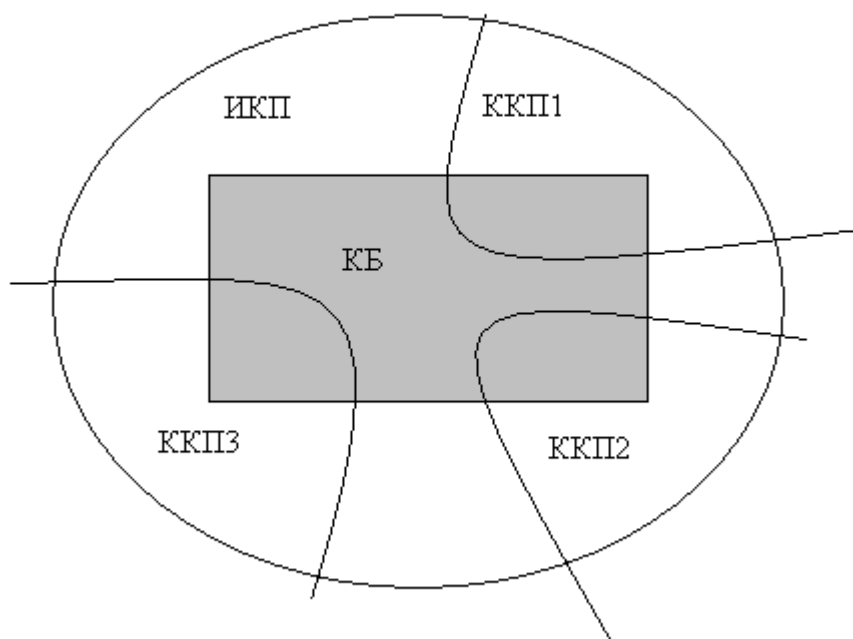
Особые трудности у представителей иного культурного пространства вызывает то, что ядерные элементы культурного пространства редко подвергаются осмыслению, рефлексии и экспликации со стороны тех, для кого это пространство является родным.

Культурное пространство включает в себя все существующие, потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов некоторого национально-культурного сообщества. При этом каждый человек обладает особой, определенным образом структурированной, совокупностью знаний и представлений. Такую совокупность называют **индивидуальным когнитивным пространством (ИКП)**. При этом существует некая совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного социума (профессионального, конфессионального и т.д.), которую мы определяем вслед за Д. Б. Гудковым и В. В. Красных как **коллективное когнитивное пространство (ККП)**. Определенным же образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного лингвокультурного сообщества, определяется как **когнитивная база (КБ)**.

КБ необходимо отличать от культурного пространства и даже от центральной его части, хотя в КБ и центральную часть национального культурного пространства входят знания и представления, являющиеся достоянием практически всех членов лингвокультурного сообщества. Наполнение КБ отличается от наполнения культурного пространства: первую формируют не столько представления как таковые, сколько инварианты представлений о тех или иных феноменах, которые хранятся там в минимизированном, редуцированном (сокращенном виде).

Таким образом, каждый человек обладает своим индивидуальным когнитивным пространством (ИКП), набором коллективных когнитивных пространств (ККП) и

когнитивной базой (КБ) того лингвокультурного сообщества, членом которого он является. Схематично это может быть представлено следующим образом (см. рис. 7).

при общении

могут возникать следующие соотношения ИКП коммуникантов:

1) ИКП коммуникантов не совпадают, не пересекаются (см. рис.8, где КБ1 – когнитивная база первого коммуниканта, КБ2 – когнитивная база второго коммуниканта; соответственно ИКП1 – индивидуальное когнитивное пространство первого коммуниканта, ИКП2 – индивидуальное когнитивное пространство второго коммуниканта):

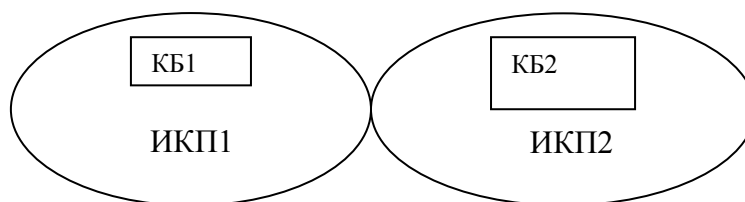

Рис. 8.

или пересекаются (см. рис. 9) только на участке а) знания сиюминутной ситуации общения; б) знаний некоторого социума (например, профессионального); при этом коммуниканты обладают разными КБ:

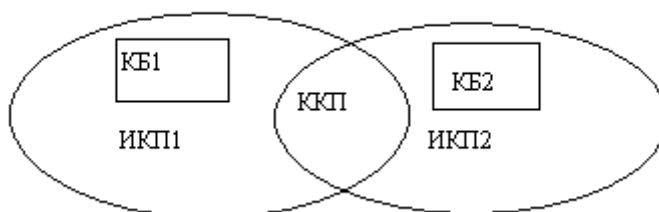

Рис. 9.

Случаи *1а)* и *1б)* характерны для коммуникации между носителями разных национально-культурных сообществ. При этом вариант *1б)* возможен при общении, например, коллег, специалистов одной профессии;

2) ИКП коммуникантов пересекаются при наличии общей для них КБ. Данная ситуация имеет место при общении членов одного лингвокультурного сообщества (см. рис.10).

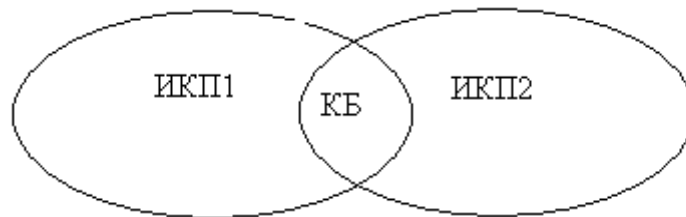

Рис. 10.

Индивидуальное когнитивное пространство включает в себя два представления каждого из феноменов, находящихся отражение в когнитивной базе: инвариант и собственное представление носителя когнитивного пространства. Инвариант и собственное представление могут практически совпадать, но могут и существенно отличаться друг от друга.

КБ и когнитивные пространства (индивидуальное и коллективное) реализуются и актуализируются в **пресуппозиции**. Пресуппозиция – это «общий фонд знаний, общий опыт, общий тезаурус, общие предварительные сведения, которыми обладают коммуниканты» (Красных, 2001).

Выделяются три типа пресуппозиций, соотносимых с КБ, коллективным когнитивным пространством и индивидуальным когнитивным пространством:

КБ – макропресуппозиция;

ККП – социумная, «константная» пресуппозиция;

ИКП – ситуативная, спонтанная микропресуппозиция.

Макропресуппозиция – тот фрагмент КБ, который релевантен и актуален для осуществляемого акта коммуникации. Актуализация макропресуппозиции возможна только в случае общения коммуникантов, обладающих одной КБ.

Социумная пресуппозиция – фрагмент коллективного когнитивного пространства, актуализирующийся в коммуникации. Этот тип пресуппозиции возможен при общении людей, входящих в один социум.

Микропресуппозиция – общий фонд знаний коммуникантов о конкретной ситуации, в которой осуществляется конкретный акт коммуникации. Это спонтанно возникающая «здесь и сейчас» зона пересечения ИКП коммуникантов. Данный тип пресуппозиции имеет место всегда, в любой ситуации общения, он не зависит от наличия/отсутствия общей для коммуникантов КБ или их ККП.

Лекция 6

СТРУКТУРА КОГНИТИВНОЙ БАЗЫ

План

1. Когнитивные единицы.
2. Прецедентные феномены как составляющие когнитивной базы.
3. Виды прецедентных феноменов.
4. Национально-детерминированное минимизированное представление.
5. Значение и смысл текста, включающего прецедентный феномен.

Когнитивные структуры представляют собой некую «содержательную» (т.е. имеющую определенное содержание-значение) форму кодирования и хранения информации. «Когнитивные структуры (= когнитивные единицы, по Д. Б. Гудкову) суть определенным образом организованные и структурированные участки когнитивного пространства; это своего рода «элементарные единицы», т.е. базисные, основные, с одной стороны, и далее неделимые и нечленимые – с другой».

Знания индивида, участвующего в коммуникации, можно разделить на кодовые и внекодовые. Соответственно имеет смысл рассматривать **лингвистические и феноменологические** когнитивные единицы.

Те «культурные предметы», представления о которых входят в КБ, называют **прецедентными феноменами (ПФ)**. Национально-детерминированные минимизированные представления (НДМП), которые стоят за ПФ, формируются когнитивными единицами (КЕ). По приблизительной аналогии со строением материи когнитивные единицы могут быть названы атомарными структурами, а национально-детерминированные минимизированные представления – молекулярными (как существуют молекулы, состоящие лишь из одного атома, так могут быть и НДМП, включающие лишь одну когнитивную единицу, например, некоторые прецедентные имена).

Прецедентные феномены – это «феномены, 1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении; 2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 1987, с. 216]. Среди прецедентных феноменов выделяют:

- прецедентный текст (ПТ);
- прецедентное высказывание (ПВ);
- прецедентное имя (ПИ)
- прецедентную ситуацию (ПС).

Д. Б. Гудков разграничивает три типа прецедентных феноменов: **социумно-прецедентные, национально-прецедентные, универсально-прецедентные** [об этом подробнее см. Красных, Гудков, Захаренко, Вагаева, 1997].

Социумно-прецедентные – феномены, известные любому среднему представителю того или иного социума, знания и представления о них входят в ККП.

Национально-прецедентные – феномены, известные любому представителю того или иного национально-культурного сообщества, национально-детерминированные представления об этих феноменах входят в КБ.

Универсально-прецедентные – феномены, известные подавляющему большинству современных *homo sapiens*, знания и представления о них входят в «универсальное» когнитивное пространство. (К частично универсальным ПФ, характерным для христианского мира, принадлежат строки из Библии, например: *«Ибо широки врата,*

ведущие в погибель, и тесны врата, ведущие в царствие небесное»). Последний тип, как считают ученые, носит чисто гипотетический характер, но представляется вполне реальным.

Прецедентный текст – законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. Прецедентный текст (В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова используют для подобных феноменов термин «логоэпистема». См. лекцию 3. – Н. С.) хорошо знаком любому среднему члену лингвокультурного сообщества, в КБ входит инвариант его восприятия, обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания и символы. **Символом ПТ** являются определенным образом оформленные указания на этот текст (цитата, имя персонажа или автора, заглавие), актуализирующие у адресата соответствующий ПТ и связанные с ним коннотации [Караулов, 1987, с. 55]. К числу ПТ относятся

- произведения художественной литературы («Евгений Онегин», «Бородино» и др.),
- тексты песен («Подмосковные вечера», «Ой, мороз, мороз...» и др.),
- рекламы (*Имидж ничто, жажда – все; Аква-фреш – тройная защита для всей семьи; RC-кола – кто не знает, тот отдыхает, Свежее дыхание облегчает понимание;*
- политические и публицистические тексты, клишированные фразы, лозунги, транспаранты (*Не влезай – убьет, Не уверен – не обгоняй, Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи, Книга – лучший подарок.*

Значение ПТ, как правило, складывается:

- 1) из общеязыкового значения фразы;
- 2) контекстного смысла, унаследованного из текста-источника;
- 3) приобретенных смыслов, развивающихся в процессе функционирования данного выражения в речи (например, *Все смешалось в доме Облонских* – о беспорядке в квартире).

ПТ – это тексты, значимые для лингвокультурного сообщества, группы говорящих, отдельной языковой личности, регулярно воспроизводимые в речи, научно говоря, это цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным, ранее произведенным текстам в составе более позднего текста.

Механизм воспроизведения ПТ в речи – ассоциативный.

Прецедентные высказывания – законченная и самодостаточная единица, сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. В КБ входит само ПВ как таковое.

Прецедентная ситуация – некая эталонная ситуация с определёнными коннотациями, в КБ входит набор ассоциативных признаков ПС. Ярким примером ПС может служить ситуация предательства Иудой Христа, которая понимается как «эталон» предательства вообще.

Прецедентным именем мы называем индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся к числу прецедентных (например: *Обломов, Тарас Бульба, Наташа Ростова*) или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (например, Иван Сусанин). Все прецедентные феномены тесно взаимосвязаны. При актуализации одного из них может происходить актуализация нескольких остальных.

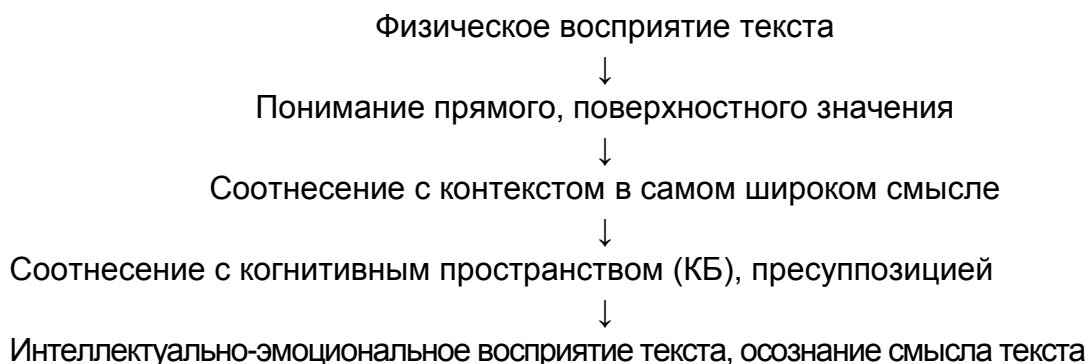
Тот инвариант восприятия, который стоит за прецедентными именами, прецедентными ситуациями, прецедентными текстами, мы называем национально-детерминированным минимизированным представлением. НДМП включает в себя:

1) дифференциальные признаки соответствующего феномена, позволяющие однозначно идентифицировать его, отличить от других;

2) атрибуты – сюда мы включаем всё то, что в культурном сознании связывается с данным феноменом, но не является необходимым для его сигнификации, его ассоциативные связи по смежности и подобию, которые с определенной долей условности могут быть названы ассоциативным фоном (на уровне отдельного слова с нашим понятием «атрибуты НДМП» определенным образом соотносится понятие «лексического фона» как «совокупности непонятных семантических долей» [Верещагин, Костомаров, 1980, с.20–27];

оценку, т. е. одну из точек на оси «прекрасно/ужасно». Так, например, если рассмотреть такое ПИ, как *Обломов*, то стоящее за ним НДМП включает в себя, вероятно, такие дифференциальные признаки, как лень, бездеятельность, добродушие, такие атрибуты, как диван и халат, и оценку, которую можно назвать сочувственно-осуждающей.

Путь, который проходит реципиент при восприятии текста может быть представлен в виде следующей цепочки (рис. 12):

Лекция 7

СЛОВО В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

План

1. Общее имя. Индивидуальное имя. Прецедентное имя.
2. Коннотации слов и национально-культурная обусловленность значения слова.
3. «Ключевые концепты» национальной культуры.
4. Двусторонние имена.

Общими именами (ОИ) мы называем имена, область определения которых состоит потенциально из бесконечного числа элементов. К ОИ может относиться как эквивалентная (*писатель, кухня*), так и безэквивалентная (*боярин, самовар*) лексика. Область определения **индивидуального имени (ИИ)** состоит лишь из одного элемента, экстенционал¹ этого имени включает один объект (*Колумб, Магадан, Плюшкин*).

¹ Мы принимаем термины “экстенционал” и “интенционал” в определении Ю. С. Степанова: «Под интенционалом понимается совокупность семантических

Мы говорим об индивидуальном имени, а не об имени собственном. Поясним это на примере. У имени Иван, употребленном вне контекста, отсутствует денотат. А ИИ Иван Грозный денотативно как в контекстном, так и во внеконтекстном употреблении; таким образом, индивидуальными именами мы называем «телесные» (или «воплощенные») имена собственные, т. е. имена конкретных людей, мест, событий и т. п. Прецедентные имена составляют часть индивидуальных имен, они в наибольшей степени отражают культурную ориентацию языкового сообщества, а с другой – формируют ее, оказывая самое серьезное влияние на социальное и, следовательно, вербальное поведение членов этого общества.

Конечно, далеко не все ИИ могут быть отнесены к прецедентным. Этим статусом обладают лишь такие, которые входят в когнитивную базу.

В индивидуальном когнитивном пространстве того или иного человека ПИ может обладать двумя означаемыми, быть связанным с двумя представлениями: 1) общенациональным инвариантом; 2) индивидуальным представлением. Указанные представления могут совпадать, но могут и существенно отличаться. Однако даже в том случае, если человек отвергает общенациональный инвариант, он не может его игнорировать и вынужден учитывать его при общении.

Итак, ПИ служит для указания на тот или иной единичный объект (реальный или воображаемый), означаемым прецедентного имени является национально-детерминированное минимизированное представление об этом объекте.

ПИ может употребляться, пользуясь терминами А. В. Суперанской, денотативно (*Шекспир – автор «Гамлета»*) или коннотативно (*Этот драматург – современный Шекспир*) [Суперанская, 1973]. Вслед за Д.Б.Гудковым будем говорить не о денотативном и коннотативном употреблении, а, по С. Д. Кацнельсону, об экстенциональном и интенциональном употреблении имени: «В функции именования слово получает экстенциональное применение (...). В функции характеристики слово используется интенционально (...)» [Кацнельсон, 1965].

При интенциональном (коннотативном) употреблении ПИ используется для характеристики, выступает как второй член метафоры (прямой или скрытой) или сравнения, обладает предикативностью.

Необходимо выявление, семантизация и описание национально-детерминированных минимизированных представлений, стоящих за ПИ, недостаточности «энциклопедического» описания реального феномена, на который указывает прецедентное имя.

Бывает так, что слова разных языков оказываются понятийно и фоново эквивалентны, но употребление этих слов в соответствующих лингвокультурных сообществах существенно различается. Так, например, Д. Б. Гудков отмечает, что русское слово *амбициозный* и болгарское *амбициозен*, являясь в обоих языках заимствованными, понятийно (и даже графически) совпадают (согласно русско-болгарскому словарю), но выражаемое ими качество занимает различное положение на шкале ценностей каждого из данных лингво-культурных сообществ, что приводит к различному употреблению названных прилагательных в речи носителей русского и болгарского языков.

Существуют случаи совпадения понятийных семантических долей и несовпадения лексических фонов слов. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров называют такие слова **псевдоэквивалентными**. Тем не менее, бывает очень трудно определить, чем обусловлено различное функционирование двух лексем в разных языках – несовпадениями в значении, в коннотациях или в узусе. Ученые считают вполне

признаков, а под экстенционалом совокупность предметов внешнего мира, которые определяются этой совокупностью признаков» [Степанов, 1983, с. 15].

вероятным, что эквиваленты в прямом смысле этого слова в различных языках отсутствуют; нет слова, которое всегда, во всех контекстах переводилось бы на другой язык с помощью одного и того же «эквивалента».

За некоторыми словами стоят, по словам А. Вежбицкой, «ключевые концепты» национальной культуры. Вряд ли можно представить законченный список таких ключевых концептов для русской культуры, русского национального сознания, но попытки выявить и описать некоторые из них активно ведутся в последнее время и российскими и зарубежными учеными. В работах глубоко исследуются такие концепты, как *душа, совесть, судьба, тоска, истина, авось* и др.

Кроме общих и индивидуальных имен, существует особая группа имен, которые в одних ситуациях могут выступать как общие, а в других – как индивидуальные.

Двусторонняя единица (двустороннее имя, ДИ), обладает как **обыденным** (*волк*), так и **мифологическим** (*Волк*) значениями. В зависимости от контекста (в широком смысле этого слова) употребления данного имени актуализируется та или иная из его сторон.

Обыденное значение (*волк*) включает в себя реальный набор характеристик референта, общий для русского и представителей других этносов, а мифологическое – условный набор, детерминированный определенными мифопоэтическими представлениями и стереотипами сознания, опирающийся на некоторые реальные черты, которые абсолютизируются и развиваются по собственным законам, реальный феномен оказывается достаточно отдален от мифологического значения указывающего на него имени. При экспликации мифологического значения обыденное продолжает существовать, но оказывается прозрачным.

Похожую картину можно обнаружить, если перейти от зооморфизмов к ДИ, обозначающим **этнические стереотипы**. Не анализируя подробно такое ДИ, как, например, *француз*, предположим, что русский вполне может сказать: *легок, как француз, галантен, как француз, изящен, как француз* и т. п., но подобные обороты вряд ли возможны в речи немца. С другой стороны, для русской речи вряд ли можно признать нормальными выражения: *скуп, как француз, эгоистичен, как француз*, являющиеся вполне приемлемыми для немца (вне зависимости от личного отношения того или иного конкретного русского или немца к французам). Таким образом, структура и оценка представления, стоящего за мифологическим значением ДИ, существенно отличаются в различных культурах, что отражается в языке носителей этих культур. Иными словами, *Француз* различен для русского и немца, а *француз* – нет, *свинья* является свиньей и одинакова для всех, знакомых с данным животным; *Свинья* же для русского существенно отличается от *Свиньи* для японца.

Описанная характеристика роднит ДИ с теми индивидуальными именами, которые относятся к прецедентным. Есть общее и в функционировании указанных единиц. Когда ДИ употребляются для номинации (экстенционально), они выступают, как правило, в своем обыденном значении. Когда же их используют для характеристики (интенционально), на первый план выходит мифологическое значение. ДИ и ПИ могут употребляться как экстенционально, так и интенционально. В последнем случае проявляется национальная специфика семантики имени, находящая свое отражение прежде всего в мифологическом значении ДИ и инвариантном значении ПИ.

РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

План

1. Типы фразеологизмов.
 - 1.1. Фразеологические сращения.
 - 1.2. Фразеологические единства.
 - 1.3. Фразеологические сочетания.
 - 1.4. Синтаксические фразеологизмы.
2. Фразеология и национальный образ мира.
3. Прецедентные высказывания.

В языке существуют связанные сочетания, например, *перебежать дорогу кому-либо* 'мешать добиться своего': *Я знаю, почему он так себя ведет. Когда-то я перебежал ему дорогу – выиграл конкурс на должность, на которую он претендовал.* Самостоятельное значение слов-компонентов в словосочетании *перебежать дорогу* ослаблено, так как исчезли номинативные свойства слов, поэтому смысл всего оборота уже не связан с семантикой каждого слова в отдельности. Лексически такое сочетание является неделимым и в речи воспроизводится как готовая речевая единица. Синтаксически рассматривается роль словосочетания в целом, а не каждого слова в отдельности. Такие семантически неделимые словосочетания, которым свойственно постоянство целостного значения, называют фразеологическими единицами языка (или фразеологизмами, фразеологическими оборотами).

Основной семантический признак фразеологизма – семантическая слитность, спаянность, суть которой заключается в том, что общее значение фразеологизма не выводится из самостоятельных значений каждого слова, в него входящего.

Значение фразеологизма специфично. Во-первых, значение фразеологической единицы (ФЕ) всегда богаче, чем значение синонимичного слова (или слов). Оно никогда не равнозначно объему значения слова-синонима.

Во-вторых, значение большинства фразеологизмов ситуативно. Эта особенность фразеологизмов требует не только знания их значения, но и тех ситуаций, в которых их можно употребить. Так, в ФЕ *задирать нос*, помимо смысла 'важничать', содержится информация о том, что прежде говорящий и тот, о ком идет речь, были на равных, а в настоящее время этот последний кичится своим более высоким социальным или материальным положением.

Следующей особенностью фразеологизмов является оценочный характер значения.

Большинство фразеологизмов, помимо оценочного отношения говорящего, выражает и эмоциональное отношение.

Большинство фразеологизмов, помимо оценочного отношения говорящего, выражает и эмоциональное отношение. Оно также поддается образности. Когда говорят: *Нас заставляют работать до изнеможения*, то описывают и оценивают только обозначаемую ситуацию. Но если говорят: *Из нас выжимают все соки*, то рассчитывают еще и на сочувствие и сопереживание слушающего, так как в значении фразеологизма присутствует еще и созначение – эмоциональное неодобрение того, что обозначается.

Фразеологизм имеет ряд существенных признаков:

- 1) устойчивость,

- 2) воспроизводимость,
- 3) целостность значения,
- 4) раздельнооформленность.

Фразеологические сращения – такие лексически неделимые словосочетания, значения которых не определяются значением входящих в них отдельных слов (например, *бить баклуши* ‘бездельничать’, *с бухты-барахты* ‘необдуманно’, *Содом и Гоморра* ‘суматоха, шум’, *спустя рукава* ‘небрежно’, *как пить дать* ‘непрерменно’).

Фразеологические единства – такие лексические обороты, общее значение которых в какой-то мере мотивировано переносным значением слов, составляющих данный оборот. Например, общий смысл таких единств, как *пускать пыль в глаза*, *плыть по течению*, *держат камень за пазухой*, *уйти в свою скорлупу*, *из пальца высосать кровь с молоком* и др. зависит от значения отдельных элементов, которые составляют образный «стержень» всего оборота. В отличие от сращений, образность которых является потухшей, уже немотивированной и совершенно независимой от значения составных элементов, фразеологические единства «обладают свойством потенциальной образности».

Фразеологические сочетания – такие устойчивые обороты, общее значение которых полностью зависит от значения составляющих слов. Слова в составе фразеологического сочетания сохраняют относительную семантическую самостоятельность, однако являются несвободными и проявляют свое значение лишь в сочетании с определенным, замкнутым кругом слов, например: слово *слезно* сочетается только со словами *просить*, *умолять*. Следовательно, один из членов фразеологического сочетания оказывается более устойчивым и даже постоянным, другой – переменным.

синтаксическими фразеологизмами. Это такие «нестандартные, специфические построения, структурные свойства и семантика которых выходят за рамки регулярных синтаксических связей и закономерностей. Например: *Нет бы летом приехать!*; *Какое там отдохнул!*; *Чтобы он когда опоздал!*» [Величко, 1996, с. 5]. «Русская грамматика» называет синтаксическими фразеологизмами «такие построения, в которых связи и отношения компонентов с точки зрения живых грамматических правил оказываются необъяснимыми» [Русская грамматика, 1980, с. 217]. К синтаксическим фразеологизмам в Русской грамматике относятся предложения, в которых «словоформы связываются друг с другом идиоматически» и где «не по действующим синтаксическим правилам функционируют служебные и местоименные слова, частицы и междометия».

Фразеологизмы возникают на основе прототипной ситуации, т. е. ситуации, соответствующей буквальному значению фразеологизма. Прототипы отражают национальную (в нашем случае – русскую) культуру, поскольку «генетически свободные словосочетания описывают определенные обычаи, традиции, подробности быта и культуры, исторические события и многое другое».

За ситуацией закрепляется определенное содержание – результат переосмысления данной ситуации в данном конкретном культурном коде. Эта ситуация носит знаковый характер, т. к. она выделяется и закрепляется в коллективной памяти. Ее переосмысление рождается на основе некоторых стереотипов, эталонов, мифов, которые являются реализацией культурных концептов данного социума. В связи с тем, что стереотипы и эталоны, на которые ориентированы образы, формирующие ФЕ, обладают определенной ценностью, оценочный смысл приобретает любой фразеологизм, вписывающийся в систему культурного кода данного сообщества. Он автоматически принимает общую оценку концепта, на основе (или в рамках) которого образуется данный фразеологизм.

Закономерности переосмысления прототипной ситуации возникают в рамках определенного, сформировавшегося на основе религиозных, мифологических, идеологических воззрений, ареала. Поэтому, например, в языках, распространенных в ареале христианской цивилизации обнаруживаются общие концептуальные метафоры, имеющие своими истоками общие для славянских народов обычаи, традиции и установки культуры. Фразеологизмы, вероятно, наиболее наглядно отражают национальный образ мира, запечатленный в языке, им детерминируемый и в нём закрепляемый. В них воплощается «опредмечивание» общих понятий, имена которых, выступая в несвободных сочетаниях, оказываются метафорически и метонимически связаны с конкретными лицами или вещами. Эти понятия подвергаются «материализации» в языке, именно открывающаяся в клишированных оборотах, к которым относятся фразеологизмы, внерациональная сочетаемость имени позволяет выявить стоящие за именем языковые архетипы, воссоздать языковую картину мира.

Фразеологизмы имеют сходства с прецедентными феноменами, в состав которых входят афоризмы. «Фразеологизмы выступают как знаки понятий, и поэтому они содержательно эквивалентны словам; афоризмы – это знаки ситуаций или отношений между вещами, и семантически они эквивалентны предложениям».

Прецедентные высказывания оказываются практически всегда связаны с прецедентным текстом и/или с прецедентной ситуацией (Ср. *Но это уже совсем другая история*). Соответственно, при употреблении и восприятии ПВ в сознании говорящих актуализируется определенная прецедентная ситуация и/или некоторый прецедентный текст.

При порождении «автономных» прецедентных высказываний в сознании говорящего реальная ситуация речи воспроизводит некоторую прецедентную ситуацию, которая выступает как эталон для ситуаций такого типа вообще. Соответственно, при восприятии такого прецедентного высказывания реципиент понимает его как означающее, означаемым которого является некоторая прецедентная ситуация, и эта последняя сопоставляется реципиентом с ситуацией речи (ср. употребление таких высказываний, как *Эврика!*; *Велика Россия, а отступить некуда!*).

Несколько иная картина наблюдается, когда коммуниканты оперируют ПВ, жестко связанным с прецедентным текстом. В этом случае при общем действии механизма, описанного выше, картина несколько иная, ибо в языковом сознании носителей определенного национального культурного кода прецедентная ситуация находит свое эталонное выражение в том или ином ПТ и актуализируется через актуализацию того ПТ, в котором она представлена (*Я тебя породил, я тебя и убью!* – о строгом отце, наказывающем сына, причем не обязательно столь радикально, как в соответствующем ПТ).

В соответствии с тремя уровнями значения высказывания (поверхностное, глубинное и системный смысл) можно выделить ПВ, при употреблении которых актуализируются различные из этих уровней:

1) ПВ, обладающие только поверхностным значением:

Мороз и солнце – день чудесный!

2) ПВ, обладающие поверхностным и глубинным значениями:

Народ безмолвствует... – поверхностное значение (всеобщее молчание) присутствует, но оказывается «прозрачным», и данное ПВ начинает употребляться для выражения «покорной непокорности», приобретая дополнительный символический смысл взаимоотношений власти и народа;

3) ПВ, поверхностное значение у которых фактически отсутствует, а через глубинное актуализируется системный смысл.

Лекция 9

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ОБЩЕНИЯ

План

1. Общение. Уточнение понятия.
2. Коммуникативные единицы:
 - а) стандарты и атрибуты коммуникации;
 - б) диалогемы;
 - в) диалоги;
 - г) звенья коммуникации;
 - д) текст (дискурс);
 - е) культурно обусловленные сценарии;
 - ж) стереотипные коммуникативные стратегии и тактики.
3. Социальный статус собеседников как прагматическая основа коммуникации.
4. Ментальность и формы ее проявления:
 - а) элементы концептуальных переменных;
 - б) элементы синонимической аттракции;
 - в) элементы народных таксономий;
 - г) элементы реализации принципа кооперации;
 - д) элементы реализации принципа вежливости.
5. Типы межкультурных контактов:
 - а) соприкосновение;
 - б) приобщение;
 - в) проникновение;
 - г) взаимодействие.

Взаимодействие личностей при этом не беспорядочно, а системно. В общении личности реализуют социальные отношения, которые накладывают ограничения на актуальное поведение.

Общение является одним из видов социального взаимодействия носит сугубо социальный характер (Е. М. Тарасов).

В рамках теории коммуникации общение есть процесс циркуляции информации в обществе (А. А. Брудный).

Коммуникация включена в социальные отношения общающихся, по словам Л. Блумфилда, «речевой акт, а также весь ход практических событий до и после речи зависят от всей истории жизни говорящего и слушающего».

Коммуникация, как всякая деятельность, имеет свои мотивы и цели. Ряд исследователей считает, что целью коммуникации является воздействие (А. П. Назаретян, В. Б. Розов). При таком подходе исходной, фундаментальной функцией сообщения

признается целенаправленное преобразование адресата (ср. в этой связи функции рекламы, PR-кампаний или проповеди священников).

Итак, «человеческая коммуникация есть процесс взаимодействия двух и более языковых личностей с целью передачи/получения/обмена информацией, т. е. того или иного воздействия на собеседника, необходимого для осуществления совместной деятельности».

Коммуникация может быть успешной или неуспешной. Успешная коммуникация – это адекватная коммуникация, при которой достигается более или менее полное, но обязательно достаточное с точки зрения коммуникантов взаимопонимание. В случае неуспешной коммуникации возможны коммуникативный сбой (недостаточно адекватная коммуникация, недостаточно полное взаимопонимание участников коммуникации) или даже коммуникативный провал (неадекватная коммуникация, полное непонимание коммуникантами друг друга).

в общении реализуются следующие коммуникативные единицы:

а) стандарты и атрибуты коммуникации – минимальные самодостаточные элементы, способные актуализировать то или иное межличностное или межгрупповое общение (например: «идти под руку», «приподнимать шляпу», «место гостя за столом»);

б) диалогемы – элементы, соединяющие коммуникативные действия субъекта (коммуниканта) и ответную реакцию объекта (реципиента). Это могут быть как а) одномодальные (унисон), так и б) разномодальные (полемика) взаимодействия. К примеру, протянутая рука может быть пожата или нет в зависимости от культуры и/или взаимоотношений коммуникантов; русское *ударить по рукам* основано на невербальной диалогеме национального характера, связанной с закреплением договора;

в) диалоги – совокупность диалогом, выражающих законченное взаимодействие, т. е. процесс, в котором контакт устанавливается, поддерживается и прекращается. Диалоги могут быть обусловлены этнической спецификой. Например, если вы скажете в международной компании: *Встретимся через час*, то вполне возможно, что далее последует уточнение: *Русский час или английский час?* и продолжение разговора будет связано с различиями культурного отношения ко времени русских (в культуре которых нет подчеркнутой пунктуальности и опоздания не только возможны, но и часто культурно обязательны (в гости, на приемы и т. п.) и англичан, знаменитых своей точностью и бережным отношением ко времени;

г) звенья коммуникации – приуроченные в каждой национальной культуре к тем или иным ситуациям предпочтительные темы общения, в том числе этническая специфика санкционированных и запретных тем. Например, американцы никогда не будут на вопрос *How are you?* подробно объяснять, какие у них проблемы, этот вопрос для них просто этикетная формула, которая требует ответа: *Fine. Thank you*. Русские же иначе реагируют на фразу *Как дела?*, воспринимая ее как выражение личной заинтересованности собеседника. (Ср. также тему денег, болезней как запретные темы во многих социумах);

д) текст (дискурс), который рассматривается как цепь коммуникативных единиц, с помощью которого реализуется тот или иной замысел коммуникации (например, «текст свадьбы» в русской и корейской культурах будет отличаться). (Здесь используется классификация Ю.Е.Прохорова [Прохоров, 1996]. В эту классификацию следует, на наш взгляд, включить еще два вида коммуникативных единиц – культурно обусловленные сценарии и стереотипные коммуникативные стратегии и тактики:

е) культурно обусловленные сценарии – некая подсознательная норма поведения, которой носители языка, принадлежащие к определенной культуре, обычно руководствуются. В сценариях, как утверждает

А. Вежбицкая, «выражаются такие негласные правила, которые говорят нам, как быть личностью среди других личностей, т. е. как думать, как чувствовать, как хотеть..., как добывать и передавать знания и... как говорить с другими людьми» [Вежбицкая, 1997]. А. Вежбицкая приводит, например, «сценарии того, как хотеть». Исследователь отмечает, что англо-американская культура поощряет своих носителей говорить о том, чего ты хочешь сам и давать другим людям право выбора. Это может быть представлено следующим образом:

каждый может говорить другим людям что-то вроде:

я хочу этого, я не хочу этого

так говорить хорошо

хорошо говорить другим людям что-то вроде:

я хочу знать, что ты хочешь.

ж) стереотипные коммуникативные стратегии и тактики, которые также отличаются национально-культурной спецификой.

Под социальным статусом понимается положение человека в социальной системе, включающее его права и обязанности. Социальный статус партнёров, который проявляется при их взаимодействии, обуславливает взаимные ожидания в поведении собеседников.

К статусу относится и самоосознание личностью своего положения. При этом личность, осознавая свой статус, может менять социальные роли (поведение, предписанное человеку его социальным (возрастным, половым, должностным и т.п.) положением).

Одной из сфер проявления социального статуса является понятие «индексация стиля жизни». Оно рассматривается прежде всего на уровне «языка вещей и отношения к ним». Например, в обществе 50-х гг. узкие брюки рассматривались как признак особого, «вызывающего» социального поведения. В «Шинели» Н. В. Гоголя прослежен весь путь от нового социального статуса на уровне «языка вещи» и до потери этого статуса.

«Под национальным самосознанием понимается не только национальное самоопределение (идентификация), но и представления о своём народе (автостереотип), о его происхождении, историческом прошлом, о языке, о культуре, в том числе традициях, нормах поведения – обычаях, художественной культуре, т. е. то, что мы можем отнести к образу “мы”».

Статус личности проявляется в определенных стандартах коммуникации, когда представление о речевом исполнении той или иной роли основывается прежде всего на социальном ее стереотипе.

Таким образом, «социальный статус представляет собой определенный, стереотипный для данной культуры набор элементов, реализуемых личностью в рамках своей действительности (культуры)» [Прохоров, 1996].

Ментальность (или менталитет) – образ, способ мышления, мировосприятия личности или социальной группы.

Г. Г. Почепцов, используя понятие «языковая ментальность», указывает, что последнюю формируют: 1) особенности данного индивида как представителя некоторой социокультурной группы (образовательный уровень, профессия, возраст, пол и т. п.); 2) особенности, которые определяются его социокультурной средой (особенности страны как социокультурной среды – ее культурные традиции, история, политическое устройство и т.п.) [Почепцов, 1998].

К проявлениям ментальности Ю. Е. Прохоров относит:

а) элементы концептуальных переменных (например, в британской ментальности А. Д. Сахаров характеризовался как «отец водородной бомбы», «правозащитник», в русской – как академик, «народный депутат»,

б) элементы синонимической аттракции – темы, занимающие видное место в интересах и деятельности того или иного коллектива, привлекают и большее число синонимов (*капуста, деревянные, зеленые, бабки, кусок, баксы, гринь*);

в) элементы народных таксономий, сложившихся в данной этнической общности классификаций предметов и явлений окружающего мира: например, русское правило измерения зерновых в пудах, а диаметра труб – в дюймах;

г) элементы реализации принципа кооперации – правила учета данной этнической общностью объёма коммуникативного вклада в зависимости от совместно принятой цели [Грайс, 1985],

д) элементы реализации принципа вежливости – правила данной этнической общности в оценке и сведении к минимуму выражения невежливых мнений и суждений.

Выделяются следующие типы МКК:

Соприкосновение как тип языкового контакта характеризуется проявлением несовпадения стереотипов общения, принятых в разных культурах, хотя контакт ведётся в условиях общего языка общения.

Приобщение как тип языкового контакта характеризуется определенным наличием знания стереотипов общения каждой из сторон, однако реально одна из сторон пользуется двумя типами стереотипов общения – своим и чужим, а вторая исходит только из своего типа.

Проникновение как тип межкультурного языкового контакта может рассматриваться как система определённого взаимного учёта стереотипов общения, однако прежде всего той из сторон, которая использует новый язык общения и соответственно овладевает новыми стереотипами: оценка адресатом реализации родных или новых стереотипов адресантом позволяет, с одной стороны, осуществлять межкультурное общение на достаточном уровне, а с другой – выявляет те стереотипы речевого общения, которыми должен овладеть адресант.

Взаимодействие как тип межкультурного языкового контакта основан на использовании любым участником общения стереотипов общения любой из двух культур, при этом как при наличии соответствующего сигнала (*как принято/говорят у нас = как принято/говорят у вас*), так и при его отсутствии общение практически не нарушается.

Вопросы семинарских занятий

Семинар 1

Вопросы и задания

1. Докажите, что «человек – существо общественное».
2. Чем определяются требования к культуре современной речи?
3. Что такое речевой акт?
4. Расскажите о структуре речевого акта.
5. Приведите примеры неудачной коммуникации. Чем могут быть вызваны эти неудачи?
6. Познакомьтесь с ситуациями, определите удачно или неудачно речевое взаимодействие? Если нет, укажите причину непонимания коммуникантов.

а) Бабушка в ванной. Просит внука подать ей шампунь, который стоит в туалете на полочке. Течет вода. Внук спрашивает: – *Китайский?* Звучит ответ: – *Давай через дверь, а то кинешь сейчас мне на голову.*

б) Андрей Макин, русский, родился в 1957 г. В Красноярске, учился в Московском университете, эмигрировал в 1987г. во Францию, где начал писать романы. Его четвертая книга «Французское завещание», вышедшая в 1995г. впервые в истории французской литературы получила одновременно высшую литературную премию Гонкуров и премию Медичи. Все романы Макина написаны по-французски. Он с детства знал два языка в качестве родных: русский и от бабушки-француженки – французский. В автобиографическом романе «Французское завещание» он пишет, что французский язык воспринимался им не как иностранный, а как некий семейный язык, отличавший их семью от других русских семей.

Противоречия между реальностью русского мира и французским языком очевидны в следующем отрывке этого выдающегося произведения.

Говоря о месте своего рождения, Нейи-Сюр-Сен, Шарлота, бабушка Макина, называет это место деревней (*village*). В культурном мышлении ее внука и внучки есть только одно представление о русской деревне: деревянные избы, стадо, петух, деревенские мужики и бабы. Противоречие между понятием, обозначенным русским словом «деревня», и соответствующим понятием, выраженным французским словом «*village*», запутывает детей, вызывает у них культурный шок, когда они видят фотографию «некоего Марселя Пруста», жившего в бабушкиной деревне, игравшего там в теннис (в деревне?!) и внешне никак не совпадающего с образом русского деревенского обитателя. Вот как это описано в романе Макина:

«Нейи-Сюр-Сен состоял из дюжины бревенчатых домов. Из самых настоящих изб, крытых узкими пластинками дранки, посеребренной зимней непогодой, с окнами в рамке затейливых резных наличников, с плетнями, на которых сушилось белье. Молодые женщины носили на коромыслах полные ведра, из которых на пыльную главную улицу выплескивалась вода. Мужчины грузили на телегу тяжелые мешки с зерном. К хлеву медленно и лениво брело стадо. Мы слышали приглушенное звяканье колокольчиков, хриплое пение петуха. В воздухе был разлит приятный запах зажженного очага – запах готовящегося ужина.

Ведь бабушка, говоря о своем родном городе, сказала нам однажды:

– О! Нейи был в ту пору просто деревней...

Она сказала это по-французски, но мы то знали только русские деревни. А деревня в России – это обязательно цепочка изб (само слово деревня происходит от дерева, а стало быть – деревянная, бревенчатая. Хотя последующие рассказы Шарлоты многое прояснили, заблуждение сохранялось долго. При слове «Нейи» перед нами тотчас возникала деревня с ее бревенчатыми избами, стадом и петухом.

И когда на другое лето Шарлота впервые упомянула о некоем Марселе Прусте («Между прочим, он играл в теннис на бульваре Бино в Нейи»), мы тотчас представили себе этого денди с большими томными глазами (бабушка показывала нам его фотографию) в окружении изб!

Русская действительность часто просвечивала сквозь хрупкую паутину наших французских вокабул. В портрете президента республики, который рисовало наше воображение, не обошлось без сталинских черт. Нейи населяли колхозники» (Д. Макин. Французское завещание).

7. На чем основано выделение разных типов коммуникации? Назовите их.

8. Что относят к невербальным средствам коммуникации? Расскажите о роли этих средств в общении. Приведите примеры несовпадений несловесных средств коммуникации в разных культурах.

9. Прочитайте отрывки из книги Л. М.Кроль и Е. Л. Михайловой «Человек-оркестр: микроструктура общения» (М., 1993). Сформулируйте ответ на вопрос «Что нужно учитывать при коммуникации?».

А) Хотя пространство общения не принадлежит никому, у каждого человека существует некая область, которую он ощущает как «свою» и носит с собой всегда. По форме это что-то вроде пузыря (*bubble*), размеры которого примерно соответствуют пространству, которое можно очертить вокруг себя ненапряженной, т. е. не до конца распрямленной рукой. Границы пузыря, естественно, невидимы. И, тем не менее, мы что-то чувствуем, когда некто вторгается в наше личное пространство, и должны были бы что-то чувствовать при пересечении чужих «границ». Реальность «пузырей» хорошо бывает видна в лифте, где поднимается человека три. Физически никто друг другу не мешает, не задевает локтем или сумкой – все стоят на некотором расстоянии. И, тем не менее, стоят слишком близко для посторонних людей, «пузыри» пересекаются. [Кроль, Михайлова, 1993. С.43].

Б) В психологии общения выделяют четыре типа расстояния для общения, каждый из которых подразумевает определенные отношения близости или дистанцирования.

1. Интимное расстояние (от непосредственного физического контакта до 4–45 см) подразумевает общение тесное и близкое, хотя не обязательно позитивно окрашенное: это могут быть вовсе не объятия или возня с ребенком, а своеобразная близость, скажем, дерущихся подростков.

2. Личное (персональное) расстояние может достигать 120 см; физический контакт не обязателен. Это оптимальные дистанции для разговора, беседы. Как правило, люди, общающиеся на таком расстоянии, как-то друг к другу относятся.

3. Социальные расстояния располагаются в промежутке от 120 до 160 см. Такая дистанция наиболее удобна для формального общения всех видов и красок.

4. Публичное расстояние характерно для общения, в котором не так уж важно, кто именно перед нами – лицо или лица могут выделяться, но все же это не определяет ситуацию. Таково, например, общение докладчика с аудиторией.

В реальной жизни, как всегда, появляется много оговорок и осложнений, делающих эту классификацию менее жесткой и надежной... Следует отметить, что тот, кто легче меняет дистанцию общения, обычно воспринимается как более авторитетный, свободный имеющий право определять роли остальных. Трудно представить себе подчиненного, который, отвечая на вопрос руководителя, начинает прохаживаться по комнате, то подходя к начальнику близко, то удаляясь от него: это явный «перехват» доминирующей роли, равносильный объявлению во всеуслышание, кто здесь *на самом деле* главный.

...Кроме расстояния как такового, в организации и анализе взаимодействия очень важно пространственное расположение партнеров. Так, следует помнить, что люди, разместившиеся друг против друга, легче переходят в отношения конфронтации, борьбы, чем при других вариантах расположения в пространстве. Слова «*противник*», «*противный*» и «*напротив*» имеют один корень неспроста. Наиболее нейтральным является взаимное расположение партнеров по общению под каким-либо углом, с тем чтобы они сами могли регулировать степень обращенности друг к другу» [Там же. С. 44–50].

В) Пример недоразумения, связанного с недооценкой различий в культурно-этнических нормах коммуникативного поведения, проявляется в следующей ситуации.

Хосе Лопес и Сидней Смит представляют свои фирмы на ежегодной деловой встрече. Оба они заинтересованы в продолжении контакта, поэтому во время неформальной беседы в холле каждый старается быть приветливым, корректным и произвести наилучшее впечатление, но у обоих с этим возникают трудности. Хосе, как это принято у латиноамериканцев, во время разговора придвигается все ближе и ближе к собеседнику Сидней неверно интерпретирует это как назойливость и попытку давления. Сам он, в свою очередь, стремится восстановить расстояние, обычное для североамериканцев, и все время немного отступает назад, пьтится. Хосе воспринимает это как холодность и желание прекратить разговор, что также неверно. Просто знание несловесных знаков других культур дается еще труднее, чем умение говорить по-английски или по-испански, хотя и не менее важно.

7. Чем определяется выделение четырех разновидностей общения? Отметьте специфику каждого из них. Какая разновидность общения является наиболее важной при межкультурном контакте?
8. Что такое культурный конфликт? Прочитайте примеры конфликтов, определите, что стало их причиной.

А) Одна фармацевтическая фирма рекламировала свои таблетки при помощи серии рисунков: на первом: очень грустный человек; на втором, правее, тот же человек принимал таблетку, а на третьем, самом правом, тот же человек изображал радость и безудержное веселье по поводу собственного здоровья. Во многих странах эта реклама полностью оправдывала возложенные на нее надежды. До тех пор, пока ее не разместили в одной из арабских стран. Там эффект был прямо противоположным.

Б) Американская преподавательница английского языка в МГУ на церемонии выдачи дипломов выпускникам, получив в подарок альбомы по русскому искусству и русский фарфор, вручила свой прощальный подарок огромную коробку в красивой «западной» упаковке, перевязанную ленточкой. Ее открыли прямо на сцене. В ней оказался ... унитаз.

Таким «оригинальным» способом, она хотела показать, что ей не нравится состояние наших туалетов. Все были шокированы. На следующий год ее на работу не пригласили.

В) «Подарочный» конфликт часто портит деловые и личные отношения. У нас в России принято дарить подарки, цветы, сувениры гораздо чаще и щедрее, чем на Западе. Западные гости обычно воспринимают это не как широту души и гостеприимство, а как эцентricность, как скрываемое материальное благополучие («они совсем не такие бедные, если дарят такие подарки» – а их русские партнеры могут быть гораздо беднее, чем выглядят: они просто соблюдают требования своей культуры) или как попытку подкупа, т.е. усматривают в таком поведении мотивы, обидные для бескорыстно старавшихся русских» [Тер-Минасова, 2000].

9. Прочитайте пример ксенофобии. Что вы можете сказать об отношении своих соотечественников к иностранцам?

«У британцев существует нескрываемая неприязнь к иностранцам и всему иностранному. Соответственно слова *foreign* и *foreigner* имеют отрицательные коннотации. Эти оттенки неприязни так сильны, что даже совершенно, казалось бы, нейтральное терминологическое словосочетание *the faculty of foreign languages* ‘факультет иностранных языков’ вытеснено в современном английском языке более нейтральным: *the faculty of modern languages* ‘факультет современных языков’.

Русскому национальному характеру свойственны повышенный интерес, любопытство и доброжелательство к иностранцам и иностранному образу жизни, культуре, видению мира. Соответственно слова *иностраннный* и *иностранец* не имеют ... отрицательных коннотаций.

Английские слова *foreign* и *foreigner* употребляются, как правило, в отрицательных контекстах. ... Из компьютерной базы данных словарной редакции издательства «Longman» было извлечено более 500 контекстов со словом *foreigner*. Более половины из них негативны по отношению к иностранцам, например:

They left her complaining volubly about foreigners? The dog yapping his agreement ‘Они ушли, а она многословно жаловалась на иностранцев, собака же тявкала в знак одобрения’.

The Italians, and indeed all foreigners, are known to be cruel to animals. ‘Итальянцы, как, впрочем, и все иностранцы, известны своим грубым обхождением с животными’.

He blames foreigners for the country's troubles. ‘Он обвиняет иностранцев в бедах страны’.

Существует анекдот об английской даме, которая во время пребывания в Венгрии, говорила о венграх, презрительно называя их *these foreigners* ‘эти иностранцы’. Когда ей осторожно и вежливо объяснили, что в Венгрии она сама иностранка, дама очень удивилась и ответила, что, поскольку она англичанка, она нигде не может быть *foreigner*: это весь остальной мир – иностранцы» [Тер-Минасова, 2001. С. 183–185].

10. Прочитайте определение толерантности межкультурных отношений в «Декларации принципов толерантности», утвержденной резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995г. В чем заключается сущность толерантности? Почему в настоящее время это понятие стало актуальным?

«Толерантность означает уважение, принятие и понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли,

совести и убеждений. Толерантность – это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Толерантность – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира».

Семинар 2

Вопросы и задания

1. Что такое язык? Какова его основная функция? Докажите свою точку зрения.

2. Какие подходы существуют к определению культуры?

3. Что такое «культурное ядро»? Докажите на примерах, что «культурное ядро» во многом однотипно для культур одного ареала и сходного социально-экономического развития.

4. Назовите два основных способа передачи культурного наследия. В чем их специфика? Какова роль межкультурной коммуникации в трансмутации?

5. Что такое культурный барьер? Приведите примеры культурных столкновений.

6. Прочитайте цитату. Используя положения лекции, подготовьте ответ на вопрос: «В чем заключается методологическая основа взаимодействия языка и культуры?»

«Как ни одно понятие невозможно без языка, так без него для нашей души не существует ни одного предмета, потому что даже любой внешний предмет для нее обретает полноту реальности только через посредство понятия. И наоборот, вся работа по субъективному восприятию предметов воплощается в построении и применении языка. Ибо слово возникает как раз на основе этого восприятия; оно есть отпечаток не предмета самого по себе, но его образа, созданного этим предметом в нашей душе <...>; в каждом языке заложен самобытное мирозерцание. Как отдельный звук встает перед предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между предметом и природой, воздействующей на него изнутри и извне. Человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять в себя и переработать мир вещей. Эти наши выражения никоим образом не выходят за пределы простой истины. Человек преимущественно – да даже исключительно, поскольку ощущение и действие у него зависят от его представлений, – живет с предметами так, как их преподносит ему язык. Посредством того же самого акта, в силу которого он сплетает (Herauspinnt) язык изнутри себя, он вплетает (einspinnt) себя в него: и каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он вступает в круг другого языка» [Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Звегинцев В. А. Хрестоматия по истории языкознания XIX–XX веков. М. 1956. С.80].

7. В чем суть гипотезы лингвистической относительности? Прочитайте цитату и приведите примеры, иллюстрирующие правомерность теории.

Строя свои рассуждения на сопоставлении языков индейцев Северной Америки и западноевропейских языков, Б. Уорф утверждает, что «язык влияет на различные виды деятельности людей не столько в особых случаях употребления языка, сколько на основе постоянно действующих общих законов и повседневной оценки им тех или иных явлений» [Уорф Б. Отношение норм мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып 1. М., 1960. С. 135]; «грамматика хопи (язык индейцев – Н.С.) отражает в какой-то степени культуру хопи так же, как грамматика европейских языков отражает «западную» или «европейскую культуру» (Там же. С. 140).

8. Прочитайте пример несоответствий культурных представлений разных народов о тех предметах и явлениях действительности, которые обозначены «эквивалентными» словами этих языков. Эти культурные представления обычно определяют появление различных дополнительных стилистических оттенков значения у слов разных языков. Приведите примеры неполных эквивалентов в родном и любом другом языке.

Трудностью, нарушающей равновесие межкультурной коммуникации, может быть даже обозначение зеленого цвета, такого «общечеловеческого» понятия, которое вызывает большие сомнения в плане его абсолютного лексического соответствия в разных языках, поскольку наличие определенных метафорических и стилистических коннотаций не может не влиять на значение слова, а эти коннотации различны в разных языках. *Зеленые глаза* по-русски звучит поэтично, романтично (ср. «*За твои зеленые глаза называю я тебя колдуньей ...*»), наводит на мысль о колдовских русалочьих глазах. Английское же *green eyes* является метафорическим обозначением зависти и содержит явные негативные коннотации. Отрицательные ассоциации, вызываемые *green eyes* – это «вина» Шекспира, назвавшего в трагедии «Отелло» зависть, ревность (*jealousy*) зеленоглазым чудовищем – *a green-eyed monster*.

Приведем другой пример. Русское словосочетание *черная кошка* обозначает, как и английское *black cat* одно и то же домашнее животное – кошку, одного и того же цвета – черного. Однако в русской культуре, согласно традиции, примете, поверью, черная кошка приносит несчастье, неудачу, а поэтому словосочетание имеет отрицательные коннотации. Вспомните песню:

*Жил да был черный кот за углом,
И кота ненавидел весь дом...
Говорят, не повезет,
Если черный кот дорогу перейдет...*

В английской же культуре черные кошки – признак удачи, неожиданного счастья, и на открытках с надписью «Good luck» сидят, к удивлению русских, именно черные кошки [Тер-Минасова, 2000. С.53–54].

8. Какое положение лекции доказывают слова В. О. Ключевского?

«Будничная обстановка жизни, повседневные явления, мимо которых без внимания проходили современники, привыкшие к ним, прежде всего останавливали на себе внимание чужого наблюдателя; незнакомый или малознакомый с историей народа, чуждый ему по понятиям и привычкам иностранец не мог дать верного объяснения многих явлений русской жизни, и часто не мог даже беспристрастно оценить их: но описать их, выставить наиболее заметные черты, наконец, высказать непосредственное впечатление, производимое ими на непривыкшего к ним человека, он мог лучше и полнее, нежели люди, которые пригляделись к подобным явлениям и смотрели на них со своей

домашней, условной точки зрения» [Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М, 1991. С.334].

9. Проиллюстрируйте на примерах положение из лекции: «Язык создает свою картину мира, специфичную для каждого социума».

Семинар 3

Вопросы и задания

1. В чем суть лингвострановедческой теории?
2. Как соотносятся лингвострановедение и методика преподавания иностранных языков?
3. Расскажите о семантической структуре слова с точки зрения лингвострановедения.
4. Что такое фоновые знания? Приведите примеры.
5. Какие положения лингвострановедения являются спорными? Обоснуйте мнение.
6. Выпишите из фразеологического словаря иностранного языка фразеологизмы, отображающие образ человека. Сравните их с фразеологизмами родного языка. Есть ли какие-нибудь несовпадения в значении и употреблении этих фразеологизмов?
7. Прочитайте сочинение китайской студентки о китайской красавице. Напишите сочинение на тему «Русская красавица», используя устойчивые сравнения, образные метафоры; сравните русскую красавицу с (корейской, американской, немецкой и т.д.) красавицей.

«Китай занимает большую территорию, и на этой территории живут китайские девушки, китайские красавицы. Горы зеленые, вода изящная, а девушки – незаурядные. В Китае так говорят.

О красавицах мы говорим обычно так: «У нее прелестное, нежное, как яйцо, румяное, как яблоко, лицо; волосы черные, длинные, как водопад. Большие глаза, лучистые, как звезды, черные, как виноград. Длинные густые ресницы, как щеточки. Брови узкие, носик прямой. Маленькие ярко-красные губы, как вишни, а зубы, как нефриты. Она стройная, как ива. Руки нежные, белые, как китайский лук. Полная грудь, осиная талия».

Конечно, взгляд людей каждой династии на красоту девушек неодинаков. Давным-давно в Китае были четыре известные княгини-красавицы. Люди хвалили их так: Ян Юйхуань – такая красавица, даже древовидным пионам стыдно за себя перед пей, и они боялись расцветать.

В лунное ночное время, когда Дао Чань гуляла по дворцу, луна увидели ее и почувствовала себя уродливой, сразу спряталась за тучами. Она отличалась умом. Когда Си Ши на берегу очищала пряжу, рыба случайно увидела ее, забыла даже о дыхании и пошла ко дну реки. Она была слабой и нежной.

Ван Чжаоцзюнь вышла замуж за князя другой нации, в дороге она очень устала. скучала по своим родителям, она развернула занавеску и вздохнули. Мимо летели дикие гуси, они услышали ее вздох, посмотрели на эту красавицу, удивились ее красоте, забыли о полете и упали с неба.

В период династии Цина в романе «Сон в красном доме» важные роли играют две красавицы. Лин Дайюй деликатная, взбалмошная, она чисто болела, плакала о своей судьбе. У нее миниатюрная фигура, персиковые очи, длинные, как листья ивы, брови, маленькие губы, овал лица как семечко, незаурядная, изящная натура.

Другая красавица Сюе Баочуай общительная, сдержанная. У нее чуть полная фигура, абрикосовые очи, трогательный взгляд, круглое лицо. Многим она нравится, так как она добропорядочная, тактичная, она типичная добродетельная жена, отличная мать. В наше время прогрессируют наука и техника, жизнь улучшается день ото дня, и взгляд людей тоже изменяется. «Кому поп, кому попадья, кому попова дочка» – о красоте у каждого своя точка зрения. Но вообще люди считают, что девушка должна быть здоровая, веселая, искренняя и талантливая. Теперь самое важное для девушек – это не красота внешности, а красота сердца» [Харченкова, 1994, с. 94–95].

7. В чем специфика лингвострановедения и лингвокультурологии?

8. Что такое лингвокультурема? Как она соотносится со словом? Назовите источники лингвокультурем.

9. Что является предметом лингвокультурологии в концепции В. А. Масловой? Назовите источники лингвокультурологического исследования.

10. В чем сущность мифа? Как мифы проявляются в языковых выражениях?

11. Прочитайте фрагмент главы исследования В. А. Масловой. Скажите, как осуществляется лингвокультурологическое исследование.

Образ человека в славянской мифологии.

<...> Наиболее продуктивные слова, обозначающие части человеческого тела, это руки, ноги, спина и пуп, именно они образуют большое количество самых разнообразных фразеологизмов, многие из которых имеют мифологическую основу.

В группе фразеологизмов с компонентом *рука* явно видно несколько архетипов. Например, рука – символ власти, права, силы – *иметь руку, правая рука* и др.; рука – символ богатства, орудие приобретения материальных благ, причем часто нечестным путем – *греть руки, запускать руку во что-либо* (русск.); *руку заскабиць, цюку у руку, прыбіраць да рук, даць на лапу* (бел.). Чтобы овладеть вещью, присвоить её, надо схватить вещь рукой и так заявить свое господство. Русское *тяжба* связано с тем, что в суде спорящие *тянули* к себе спорную вещь, а тот, кто осиливал, получал ее себе в *стяжание* (ср. *стяжать силы* — устаревший фразеологизм с позитивной оценкой и современное *стяжательство*, данное слово заключает в себе осуждение народного права «брать силой»).

Большинство фразеологизмов с компонентом «рука» окружены негативным ореолом, имеют негативную коннотацию или опенку: *быть под рукой (подручный)*, т. е. быть подвластным; *ходить по рукам* (одно из значений «иметь неофициальное распространение» – нейтрально, а второе «о женщине-проститутке» – негативно); *рука не поднимается* (не хватает решимости), *с пустыми руками* (ничего не взяв с собой с неодобрением), Думается, что негативную семантику этих фразеологизмов формирует некий архетип, который, однако, нам не удалось установить.

С помощью жестов на Руси производили многие важные ритуальные действия: благословляли, каялись, клялись, что закрепилось в целом ряде фразеологизмов *положа руку на сердце* (честно), *ударить по рукам* (утвердить сделку, согласиться). «Уже простое соединение рук есть эмблема связи, согласия», – пишет Н.А.Афанасьев. Отсюда рукопожатие – жест приветствия, дружбы. Тот, кто принимает на себя ответственность за другого, *ручается*.

12. Каковы предмет и задачи культурной антропологии?
13. Что такое лакуна? Назовите виды лакун. Подберите примеры лакун иностранного языка в русском языке и лакун русского языка в иностранном. Укажите способы их элиминирования.
14. Изложите теоретическое основание теории «культурной грамотности».
15. В чем состоит задача курса «межкультурная коммуникация»

Семинар 4

Вопросы и задания

1. Что такое языковая личность? Какие уровни языковой личности выделяются в современной лингвистике?
2. Как языковая личность соотносится с речевой? При каких условиях происходит образование языковой личности в рамках обучения неродному языку?
3. Докажите, что овладение «когнитивной и прагматической составляющей языковой личности имеет более важное значение, чем собственно языковой» (Ю. Е. Прохоров).
4. Чем обусловлено существование общерусского языкового типа? Существует ли, по-вашему, общекорейский, общеамериканский, общепольский языковой тип? Проиллюстрируйте свою точку зрения.
5. Как проявляется национальный компонент в структуре языковой личности? Приведите примеры.
6. Что такое компетенция? Сопоставьте языковую и лингвокультурологическую компетенции.
7. В чем суть концепции вторичной языковой личности? Изложите свое мнение по поводу возможности формирования вторичной языковой личности при обучении неродному языку.
8. Существует ли национальный характер? В чем заключается сущность этого понятия? Что может служить источником стереотипных представлений о национальных характерах? Как проявляется национальный характер у представителей вашего этноса?
9. Прочитайте сказку, назовите черты характера главного героя сказки.

СИВКА-БУРКА

Жил-был старик, и было у него три сына: двое умных, а третий Иванушка-дурачок.

Посеял раз старик пшеницу. Хорошая уродилась пшеница, да только повадился кто-то ту пшеницу мять да топтать.

Вот старик и говорит сыновьям:

– Милые мои дети! Стерегите пшеницу каждую ночь по очереди, поймите мне вора! Настала первая ночь.

Отправился старший сын пшеницу стеречь, да захотелось ему спать. Забрался он на сеновал и проспал до утра. Приходит утром домой и говорит:

– Всю-то ночь я не спал, пшеницу стерег! Иззяб весь, а вора не видал.

На вторую ночь пошел средний сын и тоже всю ночь проспал на сеновале.

На третью ночь приходит черед Иванушке-дурачку идти.

Положил он пирог за пазуху, взял веревку и пошел. Пришел в поле и сел на камень. Сидит, не спит, вора дожидается.

В самую полночь прискакал на пшеницу конь – одна шерстинка серебряная, другая золотая. Бежит – земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет.

И стал тот конь пшеницу есть. Не столько ест, сколько топчет.

Подкрался Иванушка к коню и разом накинул ему на шею веревку.

Рванулся конь изо всех сил – не тут-то было! А Иванушка вскочил на него и ухватился за гриву. Уж конь носил-носил его по чисту полю, скакал-скакал – не мог сбросить!

И стал тут конь Иванушку просить:

– Отпусти ты меня, Иванушка, на волю! Я тебе за это великую службу сослужу.

– Хорошо, – отвечает Иванушка, – да как я тебя потом найду?

– А ты выйди в чистое поле, свистни три раза молодецким посвистом, гаркни богатырским покриком: «Сивка-Бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!» Я тут и буду.

Отпустил коня Иванушка-дурачок и взял с него обещание пшеницы больше не есть и не топтать. Пришел Иванушка поутру домой.

– Ну, что ты там видел? – спрашивают братья.

– Поймал я, – говорит Иванушка, – коня – одна шерстинка серебряная, другая золотая.

– А где же тот конь?

– Да он обещал больше не ходить в пшеницу. Вот я его и отпустил.

Не поверили Иванушке братья, посмеялись над ним вволю. Но только уж с этой ночи никто пшеницы не трогал...

Скоро после того разослал царь гонцов по веим деревням, по всем городам клич кликать:

– Собирайтесь, бояре да дворяне, купцы да простые крестьяне, на смотр царской дочери Елены Прекрасной! Сидит Елена Прекрасная в своем высоком тереме у окошка. Кто на своем коне до царевны доскочит да с ее руки золотой перстень снимет, за того она замуж пойдет!

Вот в указанный день собираются братья ехать к царскому двору не затем, чтобы самим скакать, а хоть на других посмотреть. А Иванушка-дурачок с ними просится:

– Братья, дайте мне хоть какую лошаденку, и я поеду посмотрю на Елену Прекрасную!

– Куда тебе, дурню! Людей, что ли, хочешь смешить? Сиди себе на печи да золу пересыпай!

Уехали братья, а Иванушка-дурачок и говорит братниным женам:

– Дайте мне лукошко, я хоть в лес пойду – грибов наберу!

Взял лукошко и пошел, будто грибы собирать.

Вышел Иванушка в чистое поле, в широкое раздолье, лукошко под кустик бросил, а сам свистнул молодецким посвистом, гаркнул богатырским покриком:

– Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. Прибежал и стал перед Иванушкой, как вкопанный:

– Что угодно, Иванушка?

– Так и так, – отвечает Иванушка.

– Ну, влезай ко мне в правое ухо, в левое вылезай! Влез Иванушка коню в правое ухо, а в левое вылез – и стал таким молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать, ни пером описать!

Сел на Сивку и поскакал прямо к городу.

Нагнал он по дороге своих братьев, поравнялся с ними.

Смотрят они на Иванушку, сами дивуются: никогда такого молодца не видели!

Прискакал Иванушка на площадь – прямо к царскому дворцу. Смотрит – народу видимо-невидимо, а в высоком терему, у окна, сидит царевна Елена Прекрасная. На руке у нее перстень сверкает – цены ему нет! А собою она красавица из красавиц.

Смотрят все на Елену Прекрасную, и никто не решается до нее доскочить: никому нет охоты шею ломать.

Ударил тут Иванушка своего коня по крутым бокам... Фыркнул конь, заржал и прыгнул – только на три бревна до царевны не допрыгнул.

Удивился народ, а Иванушка повернул Сивку и ускакал.

Кричит народ:

– Кто таков? Кто таков?

А Иванушки уж и след простыл. Видели, откуда приехал, а не видели, куда уехал.

Выехал Иванушка из города, прискакал в чистое поле, слез с коня, влез ему в левое ухо, а в правое вылез и стал по-прежнему Иванушкой-дурачком.

Отпустил он Сивку, взял лукошко, набрал в лесу мухоморов и принес домой.

Рассердились братнины жены па Ивана:

– Какие ты, дурень, грибы принес? Разве тебе одному их есть!

Усмехнулся Иванушка, забрался на печь и сидит. Воротились домом братья и рассказывают женам, что они в городе видели.

– Ну, хозяйки, какой молодец к царю приезжал! Такого мы сроду не видали. До царевны не доскочил только на три бревна.

А Иванушка лежит на печи да посмеивается:

– Братья, а не я ли это там был?

– Куда тебе, дурню, там быть! Сиди уж на печи да мух лови!

На другой день старшие братья снова в город поехали, а Иванушка взял лукошко и пошел за грибами.

Вышел в чистое поле, в широкое раздолье, лукошко бросил сам свистнул молодецким посвистом, гаркнул богатырским покриком:

– Сивка-бурка, вещей каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет.

Прибежал и стал перед Иванушкой, как вкопанный.

Влез Иванушка коню в правое ухо, в левое вылез и стал молодец молодцом. Вскочил и поскакал ко дворцу.

Видит – на площади народу еще больше прежнего. Все на царевну любят, а скакать никто не думает: кому охота шею ломать!

Ударил тут Иванушка своего коня по крутым бокам. Заржал Сивка-бурка, прыгнул и только на два бревна до царевнина окна не достал.

Поворотил Иванушка Сивку и ускакал. Видели, откуда приехал, не видели, куда уехал.

Отпустил Иванушка своего коня, а сам пошел домой. Сел на печь, сидит, дожидается братьев.

Приезжают братья домой и рассказывают:

– Ну, хозяйки, тот же молодец опять приезжал! Не доскочил до царевны только на два бревна.

Иванушка и говорит им:

– Братья, не я ли там был?

– Сиди, дурень, помалкивай!..

На третий день от царя опять клич. Братья стали собираться ехать, а Иванушка говорит:

– Братья, дайте мне хоть плохонькую лошаденку: поеду и я с вами!

– Сиди дома! Только тебя там и не хватает! Сказали и уехали.

Иванушка вышел в чистое поле, в широкое раздолье, свистнул молодецким посвистом, гаркнул богатырским покриком:

– Сивка-бурка, вещей каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. Прибежал и стал перед Иванушкой, как вкопанный.

Влез Иванушка коню в правое ухо, в левое вылез. Стал молодец молодцом и поскакал к царскому двору.

Прискакал Иванушка к высокому терему, стегнул своего коня плеткой... Заржал конь пуще прежнего, прыгнул — и доскочил до окна!

Поцеловал Иванушка царевну в алую щечку, снял с ее пальца дорогой перстень, повернул коня и умчался. Тут все зашумели, стали кричать:

– Держи его! Лови его!

А Иванушки и след простыл. Только его и видели! Отпустил он Сивку, пришел домой. Одна рука грязной тряпкой обмотана.

– Что это с тобой приключилось? — спрашивают братнины жены. Да вот искал грибы да сучком накололся... И полез Иванушка на печку.

Вернулись братья, стали рассказывать, что и как было.

Ну, хозяйки, тот молодец как скакнул сегодня, так до царевны доскочил и перстень с ее пальца снял! Иванушка сидит за трубой да знай свое:

– Братья, а не я ли это там был¹⁷

– Сиди, дурень, не болтай зря!

Тут Иванушке захотелось на царевнин драгоценный перстень посмотреть. Как размотал он тряпку, так всю избу и осияло!

– Перестань с огнем баловать! кричат братья. Еще избу сожжешь. Пора тебя совсем из дому прогнать!

Ничего им Иванушка не ответил.

Через три дня царь снова клич кликнул: чтобы весь народ, сколько ни есть в царстве, собирался к нему на пир и чтобы никто не смел дома оставаться. А кто царским пиром побрезгует — тому голову с плеч долой!

Нечего делать, пошли братья на пир, повели с собой и Иванушку-дурачка.

Пришли, уселись за столы дубовые, за скатерти узорчатые: пьют-едят, разговаривают.

А Иванушка забрался за печку, в уголок, и сидит там.

Ходит Елена Прекрасная, потчует гостей. Каждому подносит вина и меду, а сама смотрит — нет ли у кого на руке ее перстенька заветного. У кого перстень на руке — тот ее и жених.

Только ни у кого перстня не видно...

Обошла она всех, подходит к Иванушке последнему. А он за печкой сидит, платышко на нем худое, одна рука тряпкой завязана.

Братья глядят и думают: «Ишь ты, царевна-то и нашему Ивашке вина подносит!»

А царевна подала Иванушке стакан вина, да и спрашивает:

– Зачем это у тебя, молодец, рука обвязана?
— Ходил в лес по грибы да на сук накололся.
– А ну-ка развяжи, покажи!

Развязал Иванушка руку, а на пальце царевнин перстень заветный. Так всех и осиял!
Обрадовалась царевна, взяла Иванушку за руку, подвела к отцу и говорит:

– Вот, батюшка, мой жених!

Умылся Иванушка, причесался, оделся, и стал он не Иванушкой-дурачком, а молодец
молодцом, прямо и не узнаешь!

Тут веселым пирком, да и за свадебку!

Я на том пиру был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

10. Прочитайте стихотворение русского поэта Владимира Солоухина. В чем поэт
упрекает «Иванушек»?

Старик хворает, ткет холсты старуха,
Румяна дочка, полон сундучок,
А на печи, держа в руках краюху, –
Иванушка – простите – дурачок.

В тонах доброжелательных и красках
Русоволосы, мыслями легки,
На всех печках, во всех народных сказках
Иванушки – простите – дурачки.

На теплых кирпичках, объята ленью,
Считая мух, они проводят дни,
Зато потом по щучьему веленью
Все моментально сделают они.

Драконов страшных тотчас побеждают,
Им огненные головы рубя.
Невинных из темниц освобождают,
Берут царевен замуж за себя.

Забыв о печках, мамках и салазках,
На сивках-бурках мчат во все концы.
Как хорошо: во всех народных сказках
Иванушки выходят – молодцы.

Ан нет и впрямь: и царство все проспали,
И отдали в разор красу земли,
Царевен в сказках доблестно спасали,
А подлинных царевен не спасли.

(Вл. Солоухин. Иванушки»)

11. Познакомьтесь с этюдом Ивана Соловьева «Русская красавица». Какие качества
характеризуют национальные черты русской девушки?

«Русская красавица непременно стыдлива, она руками заслоняется, лицо свое сияющее прячет от всех, ступает неслышно, живет незаметно, за околицей, как солнце вечернее. Нет в ней гордости и упоения своей красотой, как у греческой Афродиты. Видимо, само солнце в России стыливо, редко полный лик свой кажет. Чаше заслоняется облаками, завешивается туманом, имеет вид застенчивый, скромный. В русской красавице то же начало, что и в русском богатыре, который проспал 30 лет на печи и встал только для решительной битвы. Скрытая красота, скрытая сила, которая нуждается в великой причине, чтобы раскрыться, и не для праздного созерцателя, не для привязчивого взгляда, а для единственного суженого — как и богатырь встанет – распрямится, когда на родину накатывает самый сильный враг. Красота – для милого, сила – для супостата, и все – для единственного. Повседневная, будничная трата означала бы умаление чудного дара.

Да и жизнь Спасителя так заповедано, чтобы самый могущественный являлся в ветхом рубище и терпел крестную муку, чтобы потом, когда мир изверится, истоскуется от несовершенство пророчества – вторично прийти, уже победителем. Мышление парадоксами присуще народу, который ждет главного – от неглавного, красивого – от невзрачного, сильного – от немощного» [Размышления Ивана Соловьева об Эросе, 1991, с. 208].

12. Прочитайте мнение В. В. Воробьева о русской национальной личности? Согласны ли вы с ним? Докажите.

В. В. Воробьев, исследователь русской национальной личности, пишет: «Широта натуры» и «вневременность» существования личности выступают как характерные доминанты понимания русской национальной личности.... Русская натура далека от узкого прагматизма, понятий собственности, национальной узости и ксенофобии. Русский человек, как его понимают представители национальной культуры, это человек, который живет во имя будущего, гордится своим прошлым, почти не замечает настоящего... «Русский человек любит вспоминать, но не любит жить» (А. П. Чехов. Степь); то есть он не живет настоящим... Отсюда известное невнимание к абсолютной ценности личности в ее индивидуальном своеобразии, материальным выгодам, надежда на будущее и терпимое отношение к настоящему, невзгодам было все время характерными особенностями русского человека.

Отрицательными свойствами здесь являются неделовитость, максимализм и экстремизм.

Эти свойства национальной личности неоднократно подчеркивались в литературе. Широта, русский максимализм в их крайней форме замечательно выражены в стихотворении А. К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку.
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!
Коли спорить, так уж смело.
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

[Воробьев, 1987, с. 118–119].

Семинар 5

Вопросы и задания

1. Почему знания языка недостаточно для адекватной коммуникации представителей разных этнокультурных сообществ?
2. Знание каких компонентов культуры необходимо для успешного общения?
3. Что такое внекодовые знания? Проиллюстрируйте на примере.
4. На какие типы делятся знания и представления коммуникантов?
5. Докажите, что изучение коллективных знаний и представлений важнее для решения проблем МКК, чем изучение индивидуальных знаний?
6. Познакомьтесь с различными теориями представления внекодовых знаний представителей лингвокультурного сообщества. Приведите примеры таких знаний из своего опыта.

Изучая внекодовые знания всех представителей одного национального сообщества, специалисты говорят:

- о наличии в сознании языковой личности «базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессе социализации индивидуума в данном обществе и достаточно стереотипного (на уровне этнической культуры, а не личности)» [Прохоров, 1996, с. 14];
- об «инвариантной части в структуре языковой личности», свидетельствующей о принадлежности индивида к определенной культуре [Караулов, 1987, с. 38];
- об «особой концептосфере русского языка [Лихачев, 1993];
- о национально обусловленной системе символов, ассоциаций и информации [Hirsh, 1988].

При этом исследуются не столько разные объекты, сколько разные стороны одного объекта. Д. Б. Гудков предлагает назвать этот объект когнитивной базой лингвокультурного сообщества. Именно владение знаниями и представлениями, входящими в когнитивную базу и имеющими надличностный инвариантный характер позволяет индивиду ориентироваться в пространстве соответствующей культуры и действовать по ее законам. (Например, все люди в советское время знали о «законах» очереди, о принципах поведения в ней).

7. Что такое культурное пространство?
8. Прочитайте фрагмент из книги В. В. Красных «Основы психолингвистики и теории коммуникации». Подготовьте ответ на вопрос «Как соотносятся индивидуальное и коллективное когнитивные пространства?»

«Каждый человек говорящий обладает некоторым набором знаний и представлений, которые могут носить как индивидуальный, так и коллективный характер. В русском фольклоре есть персонаж – *Баба Яга* (вспомним, кстати, произведение Леонида Филатова «Про Федота стрельца, удалого молодца (сказка для театра по мотивам русского фольклора)»: «Ну, случайно, ну, шутя, Сбилась с верного пути! Да ведь я – дитя природы, Пусть дурное, но – дитя!» или «Я – фольклорный элемент, У меня есть документ, Я вообще могу отседа Улететь в один момент!»). Предположим, что я глубоко симпатизирую этой «старушке», она кажется мне вовсе не злобной, не отвратительной, а вполне добродушной, в чем-то даже интеллигентной, славной пожилой дамой, которую вечно обманывают разные Иваны – либо царевичи, либо дураки (часто, впрочем, в одном лице) (вспомните русские сказки – Н.С.). Но, будучи воспитанной в русском национально-

лингвокультурном сообществе, я прекрасно понимаю, что для большинства русских *Баба Яга* – ведьма в ступе или на помеле, только и знающая, что делать всякие гадости «добрым молодцам». Более того, если меня кто-либо назовет Бабой Ягой, то я пойму это как откровенно грубое высказывание по поводу моей внешности (вспомним, что «классическая» *Баба Яга* – старое, уродливое существо с крючковатым носом, да еще к тому же с «костяной ногой») и, возможно, моего характера... Таким образом, имеются как бы два разных «образа» одного и того же предмета: индивидуальное представление и коллективное, – которые базируются на знании текстов русских сказок и *инвариантах восприятия* самого персонажа. Однако если я специалист по фольклору, занимаюсь русским народным творчеством, то я, как профессионал в этой области, не могу не владеть дополнительной, специальной информацией о данном персонаже как таковом и о его месте в системе других образов русского фольклора. Иначе говоря, у меня будет еще и «третье» представление о *Бабе Яге* – представление, присущее специалисту, сформированное на основе знаний, обязательных для члена профессиональной группы, профессионального социума... Следовательно, мы имеем дело не с двумя, но с тремя «наборами» знаний и представлений: (1) индивидуальным и двумя коллективными: (2) социальным и (3) национальным» [Красных, 2001, с.162–163].

9. Чем наполнение КБ отличается от наполнения культурного пространства? Прочитайте фрагмент исследования о свойствах одного из элементов когнитивной базы. Можете ли вы привести примеры подобных представлений, характерных для английского, китайского, корейского и т. п. национального сообщества?

Исследователи отмечают, что соответствие представлений (элементов когнитивной базы) реальным свойствам объекта картины мира, мотивированность этого представления не является обязательными. «Они выступают в роли хранителей немотивированных... свойств реалий, существенных для определенной лингвокультурной общности... Иначе говоря, культурный источник того или иного свойства реалии (суеверия, фольклорная литература, философские, исторически и т. д. традиции) не известен обычным носителям языка. Более того, использование стереотипов происходит автоматически: говорящий, как правило, не только совершенно не задумывается об истории мотивировки, но даже не обращает внимания на то, что некоторые эталонные свойства противоречат эмпирической картине мира. Стереотип рассматривается как суперфиксированное и суперустойчивое (даже перед лицом реального опыта, опровергающего его) представление об объекте или категории объектов (явлений, процессов) действительности, содержащееся в сознании отдельных личностей или целых социальных групп» [Прохоров, 1996, с. 74–75].

Например, французы похожи на нас, европейцев, но французы – «лягушатники». – «Спросите у первого встречного: «Что едят французы?» Бьюсь об заклад, что, если вам вообще ответят, то ответ будет: «Лягушек!». Однако, как это часто бывает с общераспространенными мнениями, это неверно. Статистические опросы показывают, что почти 50% французов никогда в жизни лягушек не пробовали» ([«Иностранец», № 1, 1995). Чем же обусловлен такой ответ, предполагающий стереотипные ожидания иностранного собеседника? И. Кон полагает, что ожидания окружающих и собственные представления личности об этих ожиданиях «давят» на человека, заставляя его учитывать их в своем поведении, причем это может быть как осознанный, так и неосознанный процесс. Исследователь приводит интересные примеры того, как это происходит. Так, один французский писатель признавался, что в обществе нефранцузов он невольно держится более легкомысленно, чем в своем кругу, так как на него «давит» потребность

окружающих увидеть «типично французский» стиль мышления, легкость, шарм и т. п. В другом случае речь идет об американских неграх, которые, «общаясь с белыми, специально акцентируют черты наивности и простуду, «положенные» им по старому стереотипу, «отмежевываются» от него. Но и в этом случае их поведение соотносится с системой социальных символов и прошлым опытом» [Кон, 1996].

В современном русском сознании существует стереотип «лицо кавказской национальности». Он основан на приписывании любому объекту, характеризующемуся элементами внешности, отличными от славянского типа (хотя не только славянского, а шире – европейского) статуса «чужого».

10. Расскажите о соотношении индивидуальных коммуникативных пространств коммуникантов. Как соотносятся реальный (индивидуальный) опыт и стереотип? Ответьте на этот вопрос, подтвердив свое мнение на основе следующего фрагмента:

Непонятное языковое явление может быть стереотипно отнесено к разряду «несвоего»=иностранного даже при использовании родного языка, если его единицы неизвестны реципиенту (получателю информации) Ср.:

«Извиняюсь, как говорится... – вымолвил, поперхнувшись сигаретным дымом, мужик. – Обознался, кажись». – «Бур-ла-ла, синус, косинус, вас не просимус. Когда кажись – тогда крестись»... Буркало спортивно затрусил дальше, слыша позади: «Иностранец, мать его» [см. Прохоров, 1996, с. 78].

Несоответствие стереотипа реальному опыту связано, по мнению Ю. Е. Прохорова, с тем, что «в сознании возникает не реальное отражение действительности, а её образ, соответствующий условиям практики общения с этим явлением в определенной общности» [Там же, с. 75].

11. Проиллюстрируйте на примере положение из лекции: «Структура минимизированного представления одного и того же явления у представителей разных культурных общностей может быть различной».

12. Вспомните слова-звукоподражания в любом языке. Подберите соответствия на русском. Напишите сочинение по-русски, используя максимальное количество слов-звукоподражаний.

13. Что такое пресуппозиция? Охарактеризуйте типы пресуппозиций, рассмотрев их на конкретных примерах.

Семинар 6

Вопросы и задания

1. Что такое когнитивные структуры? Чем отличаются феноменологические структуры от лингвистических?

2. В чем сущность прецедентных феноменов? На какие типы делятся ПФ? К числу универсальных ПФ относятся *Ромео и Джульетта*, *Анна Каренина*, *Джеймс Бонд*. Назовите их дифференциальные признаки.

3. Что такое прецедентные тексты? Приведите примеры из русского языка и своего родного языка. Как формируется значение прецедентного текста?

4. Как разграничиваются прецедентные высказывания, прецедентные ситуации и прецедентные имена? Прочитайте сказку «Колобок». Подумайте, какие дифференциальные признаки выделяются русскими для того, чтобы *Колобок* стал ПИ?

5. Приведите примеры из родного языка, свидетельствующие об изменении национально-детерминированных минимизированных представлений.

6. Какова роль прецедентных феноменов в речевом взаимодействии? Прочитайте заголовки из журнала «Столица». Уточните понимание прецедентных текстов в составе заглавий:

а) «Прощание славянки с “Интуристом”». Гостиница «Интурист» будет снесена, а на ее месте построят новую. От прежней гостиницы останется одно название.

б) «Крыса дома моего»: Дуня Смирнова, она же Авдотья Ипполитовна, знакомится с московскими крысами и решает их судьбу.

в) «Слона на скаку остановит». Екатерина Гончаренко заочно путешествует в дебри черной Африки с племянницей композитора Шнитке.

7. Подготовьте сообщение о прецедентных феноменах в каком-либо иностранном языке.

Семинар 7

Вопросы и задания

1. В чем разница между общими и индивидуальными именами? Проиллюстрируйте свое понимание этих понятий на примерах.

2. В чем специфика прецедентного имени? Как разграничиваются экстенциональное и интенциональное употребление имени.

3. Изложите сущность лингвострановедческой теории слова.

4. Прочитайте фрагмент статьи о социокультурной специфике названий цветов спектра. Вспомните, какие оттенки имеют белый и черный цвет в вашем языке. Назовите фразеологические сочетания с компонентами «черный» и «белый». Докажите, что эквивалентные слова в разных языках не могут быть полностью эквивалентны.

Известно, что в разных культурах символика одних и тех же цветов различна. В книге Г. А. Антипова, О. А. Донских, И. Ю. Марковиной, Ю. А. Сорокина «Текст как явление культуры» [1989] это подробно описано на примере цветов *белый* и *черный*.

«Белый цвет в различных культурах традиционно воспринимается как символ надежды, добра, чистоты, любви и других близких к ним понятий. В грузинской субкультуре белый цвет – символ добра, милосердия, любви («И над миром зареяло белоснежное полотнище – символ добра, милосердия, любви» (Н. Думбадзе. Белые флаги). В киргизской субкультуре с ним связываются следующие коннотации: «Белый цвет издавна любим Айтматовым – цвет хрупкости, незащищенности, цвет добра и надежды, нежности и любви, весеннего цветения» (М. Ваняшова. И вечностью заполнен миг // Театр, 1981, №6). Конфронтативно восприятие белого цвета в странах Востока – как символа смерти, цвета траура (этим обусловлен, в частности, выбор белого цвета для тюремной одежды в Южной Корее). Связывание белого цвета со смертью можно наблюдать и в русской культуре: «Весь в белом, как на смерть одетый старик...» (К.Симонов). Черный цвет во многих культурах воспринимается как символ смерти, горя,

траура, а также как символ торжественности какого-либо события: «... черный платок траура и печали» (М. Ваняшова. Там же) – в русской и киргизской субкультурах». С.Г.Тер-Минасова отмечает, что «для английского языка ...вообще характерно традиционное соотнесение черного цвета с чем-то плохим, а белого – с хорошим... Поэтому составные номинативные группы с прилагательным *black* имеют негативные коннотации, а прилагательное *white*, как правило, входит в состав номинативных групп, имеющих положительные оттенки значения.

Действительно, *Black sheep* ‘черная овца’, *black market* ‘черный рынок’, *blackmail* ‘шантаж (букв. ‘черная почта’), *black soul* ‘черная душа’ – во всех этих случаях *black* ассоциируется со злом; к тому же это цвет траура, цвет смерти: *black dress* ‘черное платье’, *black armband* ‘черная нарукавная повязка’.

Напротив, *white* – цвет мира (*white dove* – белый голубь, символ мира), цвет свадебного платья невесты, цвет всего хорошего и чистого... Даже когда *white* сочетается с существительным, явно обозначающим нечто плохое, *white* смягчает, облагораживает негативное значение последнего: *white lie* – ‘ложь во спасение, морально оправданная ложь’ (ср. рус. *черная зависть* – *белая зависть*).

Вообще метафорические значения белого и черного цветов в русском языке совпадают с английским: *черная душа*, *черная весть*, *черный день*, *черный глаз*, *черный враг*. Интересное культурное различие, обусловлено, по-видимому, климатом: русские откладывают, берегут что-либо важное на *черный день*, а англичане – на *дождливый: against a rainy day* [Тер-Минасова, 2000, с. 77–78].

8. Что такое коннотация? Проиллюстрируйте положение из лекции: «Слова разных языков могут быть понятийно и фоново эквивалентны, но употребление этих слов в соответствующих лингвокультурных сообществах существенно различается».

9. Как выражается национально-культурная обусловленность значения слова?

10. Прочитайте фрагмент из статьи А.Д.Шмелева о русских культурных концептах. Поразмышляйте над ее основными положениями. Постарайтесь понять, в чем специфика синонимичных слов мужество – смелость, храбрость, удаля; грусть – скука, уныние, тоска; свобода – воля. Какие ключевые концепты вы можете выделить в других культурах?

«*Широта* – это само по себе название некоторого душевного качества, приписываемого русскому национальному характеру и родственного таким качествам, как хлебосольство и щедрость. *Широкий* человек – это человек, любящий *широкие* жесты, действующий с размахом и, может быть, даже живущий на *широкую* ногу. Иногда же употребляют выражение *человек широкой души*. Это щедрый, великодушный человек, не склонный *мелочиться*, готовый простить другим людям их мелкие поступки и прегрешения, не стремящийся «заработать», оказывая услугу. Его щедрость и хлебосольство иногда могут даже переходить в нерасчетливость и расточительность. Но существенно, что в системе этических оценок, свойственных русской языковой картине мира, *широта* в таком понимании – в целом положительное качество. Напротив того, *мелочность*, безусловно, осуждается, и сочетание *мелочный человек* звучит как приговор.

Однако выражение *широта души* может интерпретироваться и иначе, обозначая тягу к крайностям, к экстремальным проявлениям какого бы то ни было качества. Эта тяга к крайностям (все или ничего), максимализм, отсутствие ограничителей или сдерживающих тенденций часто признается одной из самых характерных черт, традиционно приписываемых русским. Так в статье В. А. Плунгяна и Е. В. Рахилиной, посвященной отражению в языке разного рода стереотипов, отмечается, что именно

«центробежность», отталкивание от середины, связь с идеей чрезмерности и безудержности и есть то единственное, что объединяет *щедрость* и *расхлябанность*, *хлебосолье* и *удаль*, *свинство* и *задушевность* – обозначение качеств, которые «в отличие, например, от слова *аккуратность*», в языке легко сочетается с эпитетом *русский* [Плунгян В. А., Е. В. Рахилина. «С чисто русской аккуратностью» (К вопросу об отражении в языке некоторых стереотипов // Московский лингвистический журнал. 1995, №2, с. 340–351)]. «Широкий человек, я бы сузил», – говорит Митя Карамазов, как раз по поводу соединения в русском характере, казалось бы, несоединимых качеств. При этом каждое из качеств доходило до своего логического предела, как в стихотворении А.Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой.

Отметим, кстати, что последние две строки говорят не только о тяге к крайностям..., но и собственно о *широте характера*: здесь и готовность понять и простить (*Коль простить, так всей душой*), и хлебосолье и размах (*Коли пир, так пир горой!*).

Наконец о «широте русской души» иногда говорят и в связи с вопросом о возможном влиянии «широких русских пространств» на «русский национальный характер». Роль «русских пространств» в формировании «русского видения мира» отмечали многие авторы. Известно высказывание Чаадаева: «мы лишь геологический продукт обширных пространств». А у Н. А. Бердяева есть эссе, которое так и озаглавлено – «О власти пространства над русской душой». «Широк русский человек, широк, как русская земля, как русские поля, – пишет Бердяев и продолжает: – В русском человеке нет узости европейского человека, концентрирующего свою энергию на небольшом пространстве души, нет этой расчетливости, экономии пространства и времени, интенсивности культуры. Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков» (Н. Бердяев. Судьба России. Очерки по психологу войны и национальности).

<...> Механизм влияния «широких русских пространств» на *широту* национального характера раскрывает Валерий Подорога: «Так, широта плоских равнин, низин и возвышенностей обретает устойчивый психомоторный эквивалент, аффект *широты*, и в нем <...> располагаются определения русского характера: открытость, доброта, самопожертвование, удаль, склонность к крайностям и . п.» (Хрестоматия по географии России. Образ страны: пространство России // Авт.-сост. Д. Н. Замятин, А. Н. Замятин. М).

Многие из слов, ярко отражающих специфику «русской ментальности» и соответствующих уникальным русским понятиям, – такие, как *тоска* или *удаль*, – как бы несут на себе печаль «русских пространств». Недаром переход от «сердечной тоски» к «разгулю удалому» – это постоянная тема русского фольклора и русской литературы, и не случайно во всем этом «что-то слышится родное». Часто, желая *сплеснуть тоску с души*, человек как бы думает: «Пропади все пропадом», – и это воспринимается как специфически «русское поведение», ср.: «Истинно по-русски пренебрег Павел Николаевич и недавними страхами, и запретами, и зарокami, и только хотелось ему тоску с души сплеснуть да чувствовать теплоту (А. Солженицын. Раковый корпус).

Склонность русских к *тоске* и *удали* неоднократно отмечалась иностранными наблюдателями и стала общим местом, хотя сами эти слова едва ли можно адекватно перевести на какой-либо иностранный язык. Характерно замечание, сделанное в статье «Что русскому здорово, то немцу – смерть» («Иностранец», 1996, №17): «По отношению к русским все европейцы сконструировали достаточно двойственную мифологию, состоящую, с одной стороны, из историй о русских князьях, борзых, икре-водке, русской рулетке, *неизмеримо широкой душе, меланхолии и безудержной отваге*; с другой же – из ГУЛАГа, жуткого мороза, лени, полной безответственности, рабства и воровства». Выражение *меланхолия* и *безудержная отвага*, конечно же, заменяет знакомые нам; автор сознательно «остраняет» эти понятия, передавая тем самым их чуждость иностранцам и непереводаемость на иностранные языки.

На непереводаемость русского слова *тоска* и национальную специфичность обозначаемого им душевного состояния обращали внимание многие иностранцы, изучавшие русский язык. Трудно даже объяснить человеку, незнакомому с тоскою, что это такое. Словарные определения («тяжелое, гнетущее чувство, душевная тревога», «гнетущая, томительная скука», «скука, уныние», «душевная тревога, соединенная с грустью; уныние») описывают душевные состояния, родственные *тоске*, но не тождественные ей. Пожалуй, лучше всего для описания тоски подходят развернутые описания в духе Вежицкой: *тоска* – это то, что испытывает человек, который чего-то хочет, но не знает точно, чего именно, и знает только, что это недостижимо. А когда объект тоски может быть установлен, это обычно что-то утраченное и сохранившееся лишь в смутных воспоминаниях: ср. *тоска по родине, тоска по ушедшим годам молодости*. В каком-то смысле всякая тоска могла бы быть метафорически представлена как тоска по небесному отечеству, по утраченному раю. Но, по-видимому, чувству тоски способствуют бескрайние русские пространства; именно при мысли об этих пространствах часто возникает *тоска*, и это нашло отражение в русской поэзии (*тоска бесконечных равнин* у Есенина или в стихотворении Леонарда Максимова: *Что мне делать, насквозь горожанину, с этой тоской пространства?*).

<...> Другое характерное русское слово – это *удаль*. Это слово называет качество, чем-то родственное таким качествам, как *смелость, храбрость, мужество, доблесть, отвага*, но все же совсем иное. Это хорошо почувствовал Фазиль Искандер, который писал:

Удаль. В этом слове ясно слышится – даль. Удаль – это такая отвага, которая требует для своего проявления пространства, дали.

В слове «мужество» – суровая необходимость, взвешенность наших действий, точнее, даже противодействий. Мужество от ума, от мужчинства. Мужчина, обдумав и осознав, что в тех или иных обстоятельствах жизни, защищая справедливость, необходимо проявить высокую стойкость, проявляет эту высокую стойкость, мужество. Мужество ограничено целью, цель продиктована совестью.

Удаль, безусловно, предполагает риск собственной жизнью, храбрость.

Но, взглядевшись в понятие «удаль», мы чувствуем, что это неполноценная храбрость. В ней самонакачка, опьянение. Если бы устраивались соревнования по мужеству, то удаль на эти соревнования нельзя было допускать, ибо удаль пришла бы, хватив допинга.

Удаль требует пространства, воздух пространства накачивает искусственной смелостью, пьянит. Опьяненному жизнь – копейка. Удаль – возможность рубить, все время удаляясь от места, где лежат порубленные тобой, чтобы не задумываться: а правильно ли я рубил?

А все-таки красивое слово: удаль! Утоляет тоску по безмыслию.

Вообще это слово не употребляется, когда речь идет об *исполнении долга*. Оно оказывается уместным, когда речь идет о ком-то, кто действует вопреки всякому расчету, «очертя голову» и тем самым совершает поступки, которые были бы не по плечу другому. *Удаль* всегда предполагает *удачу* – здесь проявляется связь с глаголом *удаться*, к которому восходят оба этих существительных.

Пытаясь объяснить или понять, что такое *удаль*, мы неизбежно сталкиваемся с некоторым парадоксом. Все попытки рационального объяснения *удали* заставляют признать, что в ней нет ничего особенно хорошего; во всяком случае, она не является таким превосходным качеством, как *мужество*, *смелость*, *храбрость*, *отвага*, *доблесть*. Именно это демонстрирует и приведенное выше рассуждение Ф.Искандера. В то же время слово *удаль* в русском языке обладает яркой положительной окраской.

<...> Говоря об *удали*, мы любуемся тем, какие удалые действия может совершить человек, и уже это сообщает слову положительную окраску. Кроме того, для *удали* важна идея бескорыстия, *удаль* противостоит узкому корыстному расчету. Как объяснить, *зачем* надо проявлять *удаль*? Так, ни для чего, просто ради самой *удали*. Как курьер из детского рассказа С. Алексеева «Сторонись!», который любил лихую езду, как-то, мчась на санях, сшиб в снег самого Суворова, а через три дня, вручая Суворову бумаги из Петербурга, получил от него в награду перстень:

– За что, ваше сиятельство? – поразился курьер.

– За *удаль*!

Стоит офицер, ничего понять не может, а Суворов опять:

– Бери, бери. Получай! За *удаль*. За русскую душу. За молодечество.

Пожалуй, самое типичное проявление *удали* – это и есть быстрая езда, которую, как известно, любит всякий русский. Образ мчащейся и «необгонимой» «птицы-тройки», косясь на которую «постораниваются и дают ей дорогу» другие народы и государства, дает хорошее представление о том, что такое *удаль* и каково ассоциативное поле этого слова в русском языке. По-видимому, само слово (и понятие) *удаль* могло родиться только у бойкого народа, – и при этом у народа, привыкшего к широким пространствам. На то, что *удаль* возникла под влиянием широких пространств, со всей определенностью указывает Николай Федоров, говоря о географическом положении России: «простор <...> не мог развить упорства во внутренней борьбе, но развивал *удаль*...».

<...> С понятием *удали* связаны другие типично русские понятия и сопутствующие им трудно переводимые слова, отражающие «широту русской души»: *размах*, *разгул*, а может быть даже *загул* и *кураж*. Последнее слово интересно тем, что будучи прямым заимствованием из французского языка, оно коренным образом изменило свое значение. Если во французском языке *courage* значит просто смелость, то в русском оно как бы втянулось в поле русского «загула» и стало характеризовать некоторое развязное состояние, когда у человека нет никаких «внутренних тормозов» (самое характерное сочетание с этим словом – *пьяный кураж*).

По замечанию С. А. Старостина (в передаче корреспондента «Комсомольской правды»), наряду с *тоскою* и *удалью*, к труднопереводимым русским слова, для которых отсутствуют эквиваленты в других языках, относятся слова *хохотать* и *хохот*. Слова *смеяться*, *смех* есть в большинстве языков, а *хохота* нет. Едва ли в этом можно видеть влияние «широких пространств», но вот пристрастие к крайностям, к крайним проявлениям имеет место – «коли смех, так не просто смех, а *хохот*». При этом важно, что *хохот* и *хохотать* являются общеупотребительными русскими словами, обозначающими «здоровый смех», который не вызывает у говорящего неодобрения.

<...> Свойственное русскому языку представление о взаимоотношениях человека и

общества, о месте человека в мире в целом и, в частности, в социальной сфере нашло отражение в синонимической паре *свобода – воля*. Эти слова часто воспринимаются как близкие синонимы. На самом деле, между ними имеются глубокие концептуальные различия. Если слово *свобода* в общем соответствует по смыслу своим западноевропейским аналогам, то в слове *воля* выражено специфически русское понятие.

<...> Воля издавна ассоциировалась с бескрайними степными просторами, «где гуляем лишь ветер... да я». На связь понятия *воли* с «русскими просторами» указывает Д. С. Лихачев: «Широкое пространство всегда владело сердцем русским. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная – это свобода, соединенная с простором, ничем не огражденным пространством» (Д. С. Лихачев. Заметки о русском). Прочитываем также Г. Д. Гачева, который писал в работе «Национальные образы мира»: «Широкая душа, русский размах – это все идеи из стихии воздуха-ветра... Человек стремится «Туда, где гуляют лишь ветер да я», – не случайно это братское спаривание. Недаром и для ветра, и для русского человека одно действие присуще и любимое: «гулять на воле» – разгуляться, загулять, загул, отгул, разгул. И недаром Гоголь, о душе русского человека говоря: «Его ли душе, стремящейся закружиться, разгуляться» – упоминает действия, которые в равной мере делаются и ветром». <...> По сравнению с такой волей, *свобода* в собственном смысле слова оказывается чем-то ограниченным, она не может быть в той же степени желанна для «русской души».

<...> В отличие от *воли*, *свобода* предполагает как раз порядок, но порядок, не столь жестко регламентированный... Если сопоставление *свободы* и *мира* предполагает акцент на том, что *свобода* означает отсутствие жесткой регламентации, то при сопоставлении *свободы* и *воли* мы делаем акцент на том, что *свобода* связана с нормой, законностью, правопорядком («Что есть свобода гражданская? Совершенная подчиненность одному закону, или совершенная возможность делать все, чего не запрещает закон», – писал В.А.Жуковский). *Свобода* означает мое право делать то, что мне представляется желательным, но это мое право ограничивается правами других людей; а *воля* вообще никак не связана с понятием права.

<...> Сошлемся также на рассказ Тэффи «Воля», в котором различие между *свободой* и *волей* эксплицируется сходным образом: «Воля – это совсем не то, что свобода. Свобода – *liberte*, законное состояние гражданина, не нарушившего закона, управляющего страной.

«Свобода» переводится на все языки и всеми народами понимается.

«Воля» непереводима.

При словах «свободный человек» что вам представляется? Представляется следующее. Идет по улице господин, сдвинув шляпу слегка на затылок, в руках папироска, руки в карманах. Проходя мимо часовщика, взглянул на часы, кивнул головой – время еще есть – и пошел куда-нибудь в парк, на городской вал. Побродил, выплюнул папироску, пошвистел и спустился вниз в ресторанчик.

При словах «человек на воле» что представляется?

Безграничный горизонт. Идет некто без пути, без дороги, под ноги не смотрит. Без шапки. Ветер треплет ему волосы, сдувает на глаза, потому что для таких он всегда попутный. Летит мимо птица, широко развела крылья, и он, человек этот, машет ей обеими руками, кричит ей вслед дико, вольно и смеется.

Свобода законна.

Воля ни с чем не считается.

Свобода есть гражданское состояние человека.

Воля – чувство.

<...>Таким образом, специфика противопоставления *мира* и *воли* в русском языковом сознании особенно наглядно видна на фоне понятия свободы, в целом вполне соответствующего общеевропейским представлениям. В каком-то смысле это противопоставление отражает пресловутые «крайности» «русской души» («все или ничего», или полная регламентированность, или беспредельная анархия) – иными словами, «широту русской души» [Шмелев, 2000, с. 357–367].

8. Приведите примеры двусторонних имен. Как проявляется национальная детерминированность мифологического значения ДИ? Для ответа подберите из толкового словаря или из словаря устойчивых сравнений русского языка и из иностранного языка переносные употребления наименований животных, например, *Тупой, как осел* (рус.), *Трусливый, как фазан* (кор.).

Семинар 8

Вопросы и задания

1. На какие виды делятся фразеологизмы?
2. В чем выражается национально-культурная специфика фразеологизмов?
3. Приведите примеры синтаксических фразеологизмов. Существуют ли такие фразеологизмы в других языках?
4. Что понимают под языковым афоризмом? Как языковые афоризмы соотносятся с фразеологизмами? Проиллюстрируйте на примерах.
5. Какие пословицы использованы в заголовке, объясните их смысл:
 - а) Экономическая реформа в КНР. Можно ли поймать двух зайцев сразу?
 - б) С миру по нитке – обманутому на кафтан?
 - в) Раздевай и властвуй.
 - г) Стоит ли выносить СОПМ из избы? (СОПМ – система технических средств содействия оперативно-розыскным мероприятиям).
 - д) «Худой мэр» лучше доброй ссоры.
 - е) Дальний Восток теперь будет у Христенко за пазухой.
5. Каков механизм употребления прецедентных высказываний?
6. Подберите газетный текст, в котором использовалось бы ПВ. Классифицируйте его.
7. Изложите классификацию ПВ на основе уровней представления значения.
8. Что такое «канонические» ПВ и трансформированные ПВ? Приведите примеры. Определите источник и авторство (если возможно) ПВ, использованных в заголовках:
 - А) «Россия прорубает новое окно в Европу»?
 - Б) Сеют безумное, злое, мгновенное...
 - В) А завтра ваши денежки заколосятся там...
 - Г) Мыши разные важны... (о компьютерных мышках).
 - Д) Кому на осколках империи жить хорошо.
 - Е) Блеск и нищета российских губернаторов.
 - Ж) Кефаль, ты всегда думаешь о нас.
 - З) Тело Ленина живет и побеждает.

И) Ошибка президента.

9. Прочитайте фрагмент исследования национальной специфики русских фразеологизмов. Постарайтесь соотнести русские фразеологические единицы с фразеологизмами (в тех же значениях или с теми же образными основаниями) в другом языке. Докажите, что в фразеологизмах и метафорах отражается национальный образ мира.

Концепт «граница» в образном основании русских фразеологизмов

В русском языке есть ряд фразеологизмов, построенных на образе границы и взаимодействия человека с границей. Они строятся на таких образных основаниях:

- 1) X находится на границе (*на краю пропасти, на грани жизни и смерти, стоять на пороге, стоять на краю гроба, на пороге, между небом и землей*);
- 2) X находится по другую сторону границы от говорящего (*за границей, за бортом, вне себя, за могильной чертой, за могилой, не в себе, вне себя, за бугром*);
- 3) X пересекает границу (*выйти из себя, вывести из себя кого-либо, переступить за порог, перешагнуть порог, выходить из границ, выходить из рамок (за рамки), переступить черту*);
- 4) X устанавливает/разрушает границы (*проводить грань, стирать грань, положить предел*);
- 5) X находится внутри пространства, не выходя за его пределы (*держаться в руках, держаться в границах, держаться в рамках*);
- 6) X приближается к границе (*доводить до крайности кого-либо, дойти до черты*).

Отношения между человеком и пространственной границей служат основанием для переосмысления в различных семантических сферах:

1) наименования времени и временных характеристик: *на пороге чего* 'период, момент, непосредственно предшествующий наступлению чего-либо', *стоять на пороге чего* 'приближаться, наступать (о неизбежных событиях ближайшего будущего); *за могильной чертой* 'вне жизни, за ее пределами, после смерти';

2) наименования, связанные с выражением этических сторон жизни человека: *держаться в границах (держаться в рамках)* 'соблюдать нормы, правила поведения, вести себя сдержанно, благопристойно'; *выходить из границ* 'переступить меру дозволенного, установленного'; *переступить черту* 'нарушать правило, норму поведения, закон'; *переходить всякие границы* 'нарушать своим поведением меру дозволенного, установленного, принятого в обществе';

3) наименования, связанные с выражением эмоций: *не в себе* кто 'о том, кто очень сильно взволнован, не владеет собой'; *из себя выйти* 'в гневе утратить самообладание'; *из себя вывести* кого 'рассердив, лишит самообладания'; *вне себя* кто 'в крайне возбужденном или раздраженном состоянии'; *переступить через себя* 'перебороть, преодолеть в себе какое-либо состояние, желание, чувство и т. д.';

4) наименования, связанные с выражением физического состояния человека: *стоять на краю гроба, могилы* 'в состоянии, близком к смерти'; *у края могилы* 'быть при смерти, в состоянии, близком к смерти';

5) наименования, связанные с социальной стороной жизни человека: *между небом и землей* '1) без жилья, без крова, без пристанища, 2) в неопределенном положении, состоянии (быть, находиться и т. п.)'; *на краю пропасти* 'в непосредственной близости от смертельной опасности'; *на грани жизни и смерти* 'в критический момент'; *дойти до черты* 'оказаться в предельно тяжелом положении';

б) наименования сферы интересов и занятий человека: *за бортом* 'за пределами восприятия, внимания, вне интересов', *выбиваться из круга* 'отставать, отходить от обычных дел, занятий', *проводить грань между кем-либо или чем-либо* 'устанавливать какие-либо различия', *стирать грани между кем-либо или чем-либо* 'устранять какие-либо различия'.

Таким образом, можно отметить, что образ границы объединяет разные стороны жизни человека.

Граница в языке очерчивает круг того, что дозволено, принято, те нормы, установки, правила, которые приняты в данном культурном социуме. Образом края, границы, предела, грани обозначаются рамки еще приемлемого, допустимого. Образы границы, предела способствуют выражению смены эмоционального состояния или положения дел на ненормативное, которое вызывает негативную оценку.

Фразеологические единицы, обозначающие эмоциональный мир человека, указывают своим образным основанием на границы другого рода. Границы в последнем случае эксплицируют наличие некоторой области («себя») внутри субъекта (ср. кроме приведенных выше, фразеологизмы *замкнуться в себе, погрузиться в себя, углубиться в себя*), которую субъект как бы может покинуть и в которую потом он как бы может возвратиться. Передвижения из себя наружу и обратно внутрь себя происходят под влиянием горя, гнева, отчаяния, возмущения, злобы и т. д. Существование некоторой автономной области внутри человека доказывают и метафорические выражения, обозначающие эмоции с глаголом «прийти», например: *прийти в бешенство, раздражение, ярость, ужас, отчаяние* и т. п. Причем глагол «прийти» свободно сочетается с обозначениями заведомо ненормативных состояний.

В выражениях *выйти из себя, выйти из терпения, из равновесия* за точку отсчета принимается нормальное эмоциональное состояние так же, как в ФЕ *выходить из рамок, переходить всякие границы* и т. д. «исходным пунктом» служит пребывание *в рамках* нормального с точки зрения социальных конвенций поведения.

Итак, в денотативном плане ФЕ, основанные на переосмыслении образа границы, выражают этические нарушения или эмоциональные переживания. Образ, лежащий в основе переосмысления, указывает на эталонность восприятия: границы государства – границы заданы законом, поэтому перемещение из одного участка пространства в другой понимается как действие, нарушающее закон, мы так и говорим – *нарушить границу*.

Наблюдения над типовым образом границы, который организует структурированную выше группу фразеологизмов, позволяет выявить культурно значимый смысл этого метафорического концепта при интерпретации языковых выражений с эталонизированными или имеющими символическую функцию реалиями, которые зафиксированы в фольклоре и других типах дискурсов. Фразеологизмы интерпретируются в широком контексте славянской культурной традиции.

Неодобрение и опасность пересечения границы имеет давнюю традицию в этническом, национальном самосознании. Образ границы, лежащий в основе формирования рассматриваемых фразеологизмов, является вербальной реализацией семиотического концепта «свой/чужой». «Свой-чужой» – одно из важнейших противопоставлений в жизни и устройстве общества. Оно (это противопоставление) – важнейший культурный концепт, сохраняющий свое значение в течение многих веков.

Роль семиотического противопоставления «своего» и «чужого» в русской культуре чрезвычайно велика. Это доказывают многочисленные языковые свидетельства проявления этого концепта.

Истоки продуктивности базовой метафоры «пересекать границу – нарушать нормы и правила поведения или находиться в крайне возбужденном эмоциональном состоянии; плохо себя чувствовать» возможно, в том, что, по свидетельству В. М. Мокиенко, первоначально «состояния болезни или опьянения связывались в народном сознании ... с нечистой силой. Не случайно больного считали «половинным человеком», что отразилось, например, в пермском фразеологизме *полменя нету* ‘о больном, старом’» [Мокиенко, 1999, с. 277]. Таким образом, человек, находящийся в состоянии болезни или опьянения как бы не полностью принадлежит себе, ср. в пословицах: *Больной и сам не свой* (причем выражение *сам не свой* в современном русском языке применимо и к человеку, находящемуся в сильном эмоциональном расстройстве), *Пьяная баба сама не своя*, ср. также *Мне не по себе*. Состояние аффекта выражается с помощью приведенных выше фразеологизмов *выходить из себя* (т. е. в образе «покидать “границы” себя»), *выводить из себя*, а возвращение к душевному равновесию выражается фразой *прийти в себя*.

В. М. Мокиенко приводит интересный факт: в диалектах известно эфемистическое наименование нечистой силы – *друга половина*, т. е. вторая половина. «Выражение *сам не свой*, следовательно, означает, что человек уже наполовину принадлежит какому-нибудь нечистику или рогатику и в зависимости от дальнейших отношений с ними останется здоровым или умрет» [Там же]. Следует отметить, что для восстановления здоровья, избавления от болезни в народной магии обращались именно к нечистой силе (в заговорах) и делали это в местах ее обитания: «Предпочтительным местом для заговаривания были границы домашнего или сельского пространства, в которых необходимый контакт с адресатами заговора был наиболее эффективным. Это могли быть в доме печь или очаг, порог, вне дома – перекресток, колодец или источник, а также мусорная куча, место рубки дров, хлев или курятник», – отмечается в словаре «Славянские древности».

Как считает В. М. Мокиенко, переносное значение оборотов *сам не свой, не по себе* ‘потерял душевное равновесие, расстроился’ «подчеркивает это частичное «отдавание души» лукавому» [Мокиенко, 1999, с. 278]. По нашему мнению, тот же мотив присутствует и в жаргонных словах с приставкой *от-* (*отключиться, отвязаться, оторваться*, т. е. принадлежать уже частично не этому миру). Состояния или положения дел, которые выражаются с помощью этих жаргонных слов, – это состояния «ненормальные» в ценностной картине мира русского социума, этические или эмоциональные нарушения, а также плохое физическое состояние, вызванное часто алкогольным или наркотическим опьянением, что осуждается.

Связь эмоциональной сферы и области «своего» проявляется в языке и иным образом. Е. В. Урысон отмечает, что «горюют» и «тоскуют», «скорбят» и т. д. только по тем, кто обозначен словами первой выделенной исследователем группы слов, обозначающих покойника (*покойный, усопший* и др.), в значении которых есть указание на связь с «этим», «своим» миром. Со словами второй группы (*мертвец, мертвый, покойник*) указанные выше глаголы не употребляются [Урысон, 1999].

Фразеологизмы с компонентом «свой» имеют положительные коннотации в славянской культуре: *свое на уме* (о человеке, который не высказывает свое мнение), *при своих* (остаться с тем, что было), *свой в доску* (очень близкий по взглядам), *свой брат* (о близком по духу человеке).

Фразеологизмы с компонентом «чужой» имеют негативные коннотации: *на чужачка* (на чужой счет, и это осуждается обществом), *как чужие* (о близких знакомых и родных по крови, но далеких по духу людям); *совать нос в чужие дела*.

Те же коннотации проявляются в многочисленных поговорках и пословицах, эксплицирующих концепт «свой-чужой» (В словаре В.И.Даля «Пословицы русского

народа» приводится 625 (!) пословиц с компонентом «свой-чужой», к примеру: *Чужая сторонушка нахвалом живет, а наша хайкою стоит, Скучно Афонюшке на чужой сторонушке; В чужом месте что в лесу; Чужая сторона – дремуч бор; Чужая сторона – мачеха; Своя рубашка ближе к телу; Всякий кулик свое болото хвалит.*

В народных поверьях и фольклорных текстах «чужое» пространство – это «тот свет», т. е. загробный мир, место пребывания душ умерших людей. «Тот свет» описывается как «отдаленное пространство, расположенное высоко в горах или за горами, непроходимыми лесами, морями, на краю света, за горизонтом... В ближайшем пространстве, окружающем человека,... это места за границей освоенных человеком земельных угодий, а в доме – печь, чердак, подпол, углы и т. п.» [Славянская мифология, 1995, с. 372–374].

В русской фразеологии пространство «за границей» связано с выражением большой удаленности объекта. «Далеко» в русском языке – обязательно за пределами чего-либо: *за морями, за горами, за долами* – это запредельное или незнакомое пространство (ср. также *За морем и телушка – полушка, да рубль – перевоз*), пространство чужое – место обитания черта, ср. *у черта на рогах, у черта на куличках.*

То, что «далеко» в представлении носителей русского языка – это место, отделенное границей, подтверждается и пословицами, например: *Грозен враг за горами, а грозней – за плечами; Хвали заморье (чужую сторону), а сиди дома; За морем теплее, а у нас светлее; За морем – веселье, да чужое, а у нас и горе, да свое.*

Граница в народных представлениях – это пространственный рубеж, разделяющий «свой» и «чужой» мир. Замкнутость границы существенна в обрядах, связанных с эпидемиями, когда совершаются действия по защите от болезней и нечистой силы: опахивание села, обход (обегание) дома, двора, осыпание вокруг чего-либо зерном, маком, семенами. Во всех этих случаях ритуально либо укрепляется, либо проводится граница, преграждающая путь болезням и нечистой силе [Славянские древности, 1999, т. 1, с. 537]

Образ границы имел большую семиотическую значимость в жизни славян. Мотив охранительной силы границы прослеживается в обряде опоясывания храма с помощью обыденного (т. е. однодневного, сделанного в один день или в одни сутки) полотенца для предохранения людей и домашнего скота от мора. По народному представлению скот, прошедший через обыденное полотно (т. е. через границу), не боится падежа. Ту же семантику имело опахивание, где такой круг очерчивался бороздой, и обход скота перед выпуском ее в поле весной.

Пространственное воплощение концепта «свой-чужой» имело большое значение в славянских обрядах. А. К. Байбурин рассматривает основные идеи родильного, свадебного, похоронного обрядов на «языке» пространственных отношений, когда «перемещение в реальном пространстве (например, переход через порог. – Н. С.) приобретает в контексте ритуала особый смысл, поскольку наделяется многими дополнительными значениями» [Байбурин, 1993, с. 76].

Воззрение на пространство, как на свое и чужое, которое прочно укоренилось в обиходном сознании, до сих пор живет в специальных ритуалах освоения пространства. Например, при переходе в новый дом, т. е. при вхождении в «чужое» пространство, жильцы первым впускают домашнее животное (кошку), происходит «освящение ключевых точек пространства с помощью помещения в них сакральных ценностей (крест, икона, другие символы благополучия), разного рода оберегов и амулетов» [Мифы народов мира, т. 1, 1988, с.161].

Мотив от«чужд»ения, непризнания агенса своим прослеживается в речевых формулах *И на двор (на порог) не пускать, в ФЕ не ко двору пришелся, от ворот поворот.*

С отсылком в места, принадлежащие иному миру, соотносятся и фразеологизмы, восходящие к заклинаниям-проклятиям: *Чтоб тебя черт побрал! Чтоб тебе пусто было! Чтоб и духу твоего здесь не было!* В русском языке формулы, обозначающие места отсыла адресата, эксплицируют «чужое» пространство, особенно подверженное действию нечистой силы (*баня, болото* и т. п.), неопределенные локусы (*никуда, куда, куды люди не ходят*), локусы мифологических персонажей (*к черту, к лешему*). Стремление освободиться, отделаться от кого-либо связано с желанием высвободить пространство, установить границы между собой и докучливым человеком, прогнать со своей территории.

Противопоставление «своего» и «чужого» пространства было связано с представлениями о чистом и нечистом пространстве. Чужие территории воспринимались как нечистые. Это противопоставление отразилось в обычае, отправляясь в путь, брать с собой щепоть родной земли.

Символом границы между своим, освоенным пространством и чужим, внешним миром в славянских обрядах и ритуалах были ворота, дверь, порог, окно [Славянские древности, 1999, т.1, с. 537].

Наиболее отдаленным от «своего» пространства, жилища, дома, является перекресток – роковое, нечистое «место», принадлежащее демонам, на перекрестке совершаются опасные и, наоборот, исцеляющие действия, гадания, произносятся заговоры, на перекрестке нечистый дух имеет власть над человеком [Славянская мифология, 1995]. Ворота – опасное место, где обитает нечистая сила. Считалось, что «на воротах могут сидеть духи халы, поджидающие младенцев, которых несут из церкви после крещения. Чтобы их обмануть, ребенка передавали, минуя ворота, через окно или через забор. Участники свадьбы также остерегались проходить через ворота, а перелезали через забор». Ворота были объектом почитания и защиты. Владимирские крестьяне, например, вывешивали на ворота образа, к воротам прикрепляли сретенскую или венчальную свечу, втыкали в них зубья бороны или вешали косу, затыкали в щели ворот колючие растения – от ведьм. Ворота, как и перекресток, служили местом гаданий [Славянская мифология, 1995, с. 118]. Символом опасной границы считался забор. «Сам забор, место под забором, между заборами, служат локусом, куда отправляется, удаляется все «нечистое», например, под забор выливали воду после обмывания покойника... Пространство возле забора служило местом, где совершались лечебные действия и читались соответствующие заговоры» (ср. *подзаборник, сдохнуть под забором*).

Символической границей между домом и внешним миром являются порог и дверь. До сих пор существует поверье, что и дверь, и порог с нарисованным мелом крестом и другими оберегами, например, заткнутой в дверную щель или укрепленной на дверной ручке свечой образует непреодолимое препятствие для нечистой силы. В повседневной жизни не разрешалось садиться или вставать на порог, здороваться через него. И такие приметы сохранились до наших дней. Согласно обычаю, молодая, входя после венчания в дом мужа, не должна касаться порога, почему ее подчас вносят на руках.

В народной медицине с порогом и с дверью связывается идея преодоления болезни, избавления от страдания. Например, в дверном проеме клали больного, заговаривая болезни, перешагивали через больного, обметали веником или били им, обливали наговорной водой.

Большую роль играл порог как граница между миром мертвых и миром живых в погребальном обряде. «Дверь служила объектом и локусом магических действий (прежде всего – защитных), направленных на обитателей дома и относящихся к важнейшим

моментам семейной жизни (рождение, свадьба, смерть) и повседневному быту. Дверь использовалась и как обрядовый локус. К месту входа и выхода из жилища приурочено большое число ритуальных действий, связанных главным образом с социальными контактами и защитой «своего» пространства от внешней опасности.

Таким образом, «пограничные» локусы – забор, ворота, дверь, порог, окно – это а) обрядовые локусы, б) места, где совершались магические действия, в) объекты охранительной и лечебной магии, г) места гаданий, что подтверждает большую культурную значимость границы (как грани между «своим» и «чужим» миром) для славянского народного самосознания.

Итак, мотив пересечения пространства связан с переходом в пространство чужое, незнакомое, опасное для пребывания в нем. Эти представления являются стереотипными для носителей русского языка. Они обуславливают появление отрицательных коннотаций у языковых единиц, возникших в результате переосмысления образа границы и ее пересечения (*переступить черту, выходить за рамки, выходить из границ, выходить из себя, быть вне себя (от горя, гнева и т. п.)* – «плохо»).

Находиться на границе также неблагоприятно для русского сознания. Этот образ связан с обозначением критических моментов жизни человека, неопределенности его положения, например, *между небом и землей* ‘1) без жилья, без крова, без пристанища (жить, пребывать, обитать и т. п.), 2) в неопределенном положении, состоянии (быть, находиться и т. п.)’, *на грани жизни и смерти* ‘в критический момент’. Те же коннотации имеют выражения *на грани безумия, на грани сумасшествия*. «Грань», которая является внутренней формой подобных сочетаний, всегда ограничивает неблагоприятное для человека пространство, пространство, связанное с нарушением этических или эмоциональных норм, психического равновесия. Причем сама норма, стандарт не вызывают интереса. Таким образом, в оценочных оттенках фразеологизмов отражается связь между ценностной картиной мира как частью концептуального мира социума и собственно языковыми характеристиками.

Наблюдения над типовым образом границы, который организует проанализированные выше фразеологизмы, позволили выявить культурно значимый смысл этого метафорического концепта при интерпретации языковых выражений с эталонизированными или обретенными символическую функцию реалиями, прескрипциями и установками культуры. При использовании метафорического концепта «граница» в образном основании фразеологизмов отражаются его корреляции с мировидением и миропониманием носителей русской лингвокультурной общности [Сабурова, 2003].

Семинар 9

Вопросы и задания

1. Докажите, что коммуникация включена в социальные отношения общающихся и целью коммуникации является воздействие.
2. Чем может быть вызван коммуникативный сбой (коммуникативный провал)?
3. Какие коммуникативные единицы реализуются в общении?
4. Как проявляется социальный статус собеседников?
5. Прочитайте фрагмент из книги А. В. Павловской «Как делать бизнес в России. Путеводитель для деловых людей» (2003). Расскажите об отношении русских к богатству.

Сравните это отношение с отношением к деньгам в вашей родной стране. Приведите другие примеры «индексации стиля жизни».

«Чрезвычайно сложное отношение сложилось в России к деньгам и богатству. Русская культура и литература всегда провозглашала, что «не в деньгах счастье». Мысль о том, что счастье не купишь, глубоко укоренилась в сознании русских. Интересную иллюстрацию даёт русская история. Ко второй половине XIX века некоторые русские купцы сосредоточили в своих руках значительные средства. Предприимчивость, оборотистость и деловые качества русских купцов были хорошо известны. Но необъяснимое чувство вины за чрезмерное богатство заставляло купцов тратить огромные средства на строительство церквей, открывать больницы и школы (не для своих работников, а безвозмездно для городской бедноты), делать щедрые пожертвования в различные благотворительные организации. А их дети и внуки расходовали накопленные средства на развитие культуры и искусства: собирали богатейшие коллекции, финансировали развитие народных промыслов, открывали театры, поддерживали молодых талантливых художников. Так, знаменитая Третьяковская галерея появилась в Москве благодаря средствам и энтузиазму представителя знаменитой купеческой династии Павла Третьякова, а Московский художественный театр был основан на средствах другого московского купца Саввы Морозова знаменитым Станиславским (настоящее имя которого – Алексеев – также принадлежало купеческой династии). Для многих из них меценатство и благотворительность обернулись полным разорением, как, например, для двух Савв – Морозова и Мамонтова. Но накопление денег само по себе не имело смысла и становилось своеобразным грузом на душе.

Это непростое отношение к богатству сохранилось в России и по сей меркантильный день. Богатство даёт зависть, неприязнь, но не уважение и положение в обществе. Это часто приносит много душевных мук так называемым новым русским, для которых становится делом принципа добиться уважения от окружающих. Несмотря на распространённую мысль о повсеместности взяточничества в России, я бы рекомендовала сначала посоветоваться с русскими, прежде чем дать кому-либо взятку. Хотя многие проблемы именно так и решаются в России, не к месту или слишком откровенно предложенные деньги могут и оскорбить, и разозлить. Совершенно неожиданно вы обнаружите, что многим демонстрация принципа «мы бедные, но гордые», популярного в России, окажется важнее отвергнутых денег.

6. Что учитывается при рассмотрении социального статуса в межкультурном общении?
7. В чём сущность ментальности? Как она может проявляться?
8. Расскажите о национальных социокультурных стереотипах общения. Прочитайте фрагмент из книги А. Вежбицкой. «Язык. Культура. Познание». Что нового вы узнали о стереотипах общения в русском языке?

Русское *авось*

В русском языке имеется огромное количество частиц, передающих оценки и чувства говорящего и придающих особую окраску стилю речевого взаимодействия между говорящим и слушающим. Из европейских языков единственным языком, который в этом отношении мог бы составить конкуренцию русскому, является немецкий.

Однако среди русских частиц есть одна, о которой сами носители языка говорят, что она очень точно отражает ряд особенностей русской культуры и русского национального характера. Речь идёт о частице *авось*.

Согласно данным толковых словарей *авось* означает просто ‘возможно’, ‘может быть’, а связанное с этим словом выражение *на авось* имеет значение ‘в надежде на ничтожно малый шанс’. Между тем в русском, как, впрочем, и в большинстве других европейских языков, имеется еще одна модальная частица, гораздо ближе, чем *авось*, стоящая к таким английским словам, как *perhaps* и *maybe*. Я имею в виду *может быть*.

Слово *авось* означает нечто иное, это не просто слово со значением ‘возможно’, и, хотя при переводе на английский за неимением лучшего эквивалента мы обычно пользуемся словом *perhaps* ‘возможно’, есть достаточно много контекстов, в которых слова *perhaps* и *maybe*, видимо, не могут быть переведены на русский язык как *авось*. Ср., например:

Perhaps John did it?

*Авось Иван это сделал?

Чтобы у читателя сложилось представление о том, как употребляется слово *авось*, приведу вначале два примера, взятые из Академического словаря:

У меня голова болит; я вышла на воздух – авось пройдет (Тургенев).

Дороги [через реку] нечего было искать; ее вовсе не было видно; следовало идти на авось: где лед держит пока ногу, туда и ступай (Григорович).

Обратим внимание также и на пример из «Капитанской дочки» Пушкина:

Лучше здесь остановиться, да переждать, авось буран утихнет да небо прояснится: тогда найдем дорогу по звездам (Пушкин).

То, что частица *авось* занимает важное место в русской культуре и, в частности, в русском способе мышления, отражается в ее способности аккумулировать вокруг себя целую семью родственных слов и выражений. Так, имеется, например, наречное сочетание *на авось*, означающее ‘действовать в соответствии с отношением, выраженным в слове *авось*’; есть существительное *авось*, обозначающее то самое отношение, о котором идет речь (так сказать *авось-отношение*); есть глагол *авоськать* со значением ‘иметь обыкновение говорить *авось*’; есть существительное *авоська*, обозначающее сетчатую сумку (которая могла бы, возможно, оказаться она под рукой, пригодиться) и др.

Чтобы понять ту роль, которую частица *авось* играет в русской народной философии и русском самосознании, рассмотрим следующие характерные примеры:

[Врач-онколог не хочет признаться себе, что у него есть симптомы рака]. Сама-то для себя она пробавлялась русским авосем: а может быть обойдется? А может только нервное ощущение? (Солженицын).

Да понадеялся он на русский авось (Пушкин).

[Реакция на Сталинградскую победу]:

Сперва, в пору отступления, это слово [русский] связывалось большей частью с отрицательными определениями: российской отсталости, неразберихи, русского бездорожья, русского авось... Но, появившись, национальное сознание ждало дня военного праздника (Гроссман).

Об огромной роли, которую «авось-отношение» играет в русской культуре, говорит бесчисленное количество передаваемых из поколения в поколение народных пословиц и поговорок (часто даже рифмованных). Даль приводит (среди многих других) следующие примеры:

Авось, небось, да третий как-нибудь.

Держись за авось, поколь не сорвалось.

Авосьевы города не горожены, авоськины дети не рожены.

Кто авосьничает, тот и постничает.

Так что же все-таки означает «русское авось»? По существу это отношение, трактующее жизнь как вещь непредсказуемую: «нет смысла строить какие-то планы и пытаться их осуществлять; невозможно рационально организовать свою жизнь, поскольку жизнь нами не контролируется; самое лучшее, что остается делать, это положиться на удачу». Предлагаю следующее толкование частицы *авось*:

я бы хотел этого: X случится со мной

поэтому я сделаю Y

я не могу думать: 'я знаю, что если я сделаю это, случится X'

никто не может думать: 'я знаю, что случится со мной'.

Таким образом, русская частица *авось* подводит краткий итог теме, пронизывающей насквозь русский язык и русскую культуру, – теме судьбы, неконтролируемости событий, существованию в непознаваемом и не контролируемом рациональным сознанием мире. Если у нас все хорошо, то это лишь потому, что нам просто повезло, а вовсе не потому, что мы овладели какими-то знаниями или умениями и подчинили себе окружающий нас мир. Жизнь непредсказуема и неуправляема, и не нужно чересчур полагаться на силы разума, логики или на свои рациональные действия [Вежбицкая, 1997, с. 76–79] (см. также о русском *авось* в кн.: Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира. М., 1997).

9) Какие типы межкультурных языковых контактов выделяются исследователями межкультурной коммуникации?

Список использованных источников

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. – М., 1980.
2. Воробьев В. В. Лингвокультурология. Теория и методы. – М., 1990.
3. Реформатский А.А. Гудков Д. Б. Межкультурная коммуникация. Лекционный курс для студентов РКИ. – М., 2000.
4. Захаренко И. В., Красных В. В. Лингвокогнитивные аспекты функционирования прецедентных высказываний // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – М., 1997.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1997.
6. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М., 2001.
7. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Вагаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации. – М., 1997.
8. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка. – М., 1997.
9. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. Хрестоматия. – М., 1996.
10. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000.
11. Халеева И. И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М., 1995.
12. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. Учебник . <http://www.knigafund.ru/books/18817>
13. [Садохин А. П.](http://www.biblioclub.ru/book/54618/) Введение в межкультурную коммуникацию <http://www.biblioclub.ru/book/54618/>